

ЯКОВ КАПУСТИН

СОВЕСТЬ – ИМЯ СОБСТВЕННОЕ

Яков Капустин
Совесть – имя собственное

«Книга-Сэфер»

2017

Капустин Я.

Совесьть – имя собственное / Я. Капустин — «Книга-Сэфер»,
2017

ISBN 978-965-7288-34-5

«Совесьть – имя собственное» – третья книга рассказов Якова Капустина. Автор, как принято говорить, человек не простой судьбы, проживший большую и достойную жизнь. Кажется, что его рассказы автобиографичны. Да, «лагерный» опыт, многолетняя работа на «руководящих должностях» в советской промышленности, успешное вращение в постсоветский период, странствия по стране... все это нашло отражение в прозе Якова Капустина. Но это, во многом, лишь авторский прием, какой использовал и Сергей Довлатов. Острый взгляд, внимание к каждому, встретившемуся на его пути человеку, мудрость – вот что свойственно рассказам. И, конечно, мастерство, с которым они написаны.

ISBN 978-965-7288-34-5

© Капустин Я., 2017
© Книга-Сэфер, 2017

Содержание

Часть первая	6
Из записок Марка Неснова. Лагерные хроники	6
Быть или не быть	6
Еврейское счастье	8
Как мало нужно для счастья	10
Тайна Дубового Носа	11
Карты	15
Чужие	18
Тени прошлого	19
Без Достоевского	21
На флейте водосточных труб	25
Вся ментовская рать	28
Романтик	30
Барабаны судьбы	32
Антисоветчик	34
Бухгалтерия террора	36
Встречный план	38
Профессионалы	42
Господь не ошибается	44
Кровавые лапы КГБ	46
Геройчик	48
Собачья жизнь	49
Синдром почтальона Печкина	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Яков Капустин
Совесть – имя собственное.
Третья книга рассказов

Книга издается в авторской редакции

В оформлении использована картина Валентина Губарева «В ожидании восхода солнца».
С любезного разрешения автора.

Верстка и оформление Нелли Васильничка

Издательство Книга Сефер
<https://www.kniga-sefer.com/>
<https://www.facebook.com/KnigaSefer>
+(972)50-242-3452
kniga@kniga-sefer.com

© Яков Капустин, 2017

© Валентин Губарев, 2018

Часть первая

Из записок Марка Неснова. Лагерные хроники

Быть или не быть

Когда Алик Атаев играл на гитаре, это было так органично и талантливо, что, казалось, будто он с гитарой родился.

Во всяком случае, можно было не сомневаться в том, что он получил профессиональное музыкальное образование.

Но сам Алик утверждал, что играть его научили в тюремной камере при помощи картонного грифа с нарисованными струнами.

Но его слова принимали за обычный лагерный трёп. И только те, кто хорошо знал Алика, верили его рассказу. Парнем он был правильным и с понятием.

В карты он играл так же виртуозно и талантливо, как и на гитаре. И карты неплохо кормили его весь немалый и нелёгкий срок.

Сидеть ему из червонца оставалось ещё два года, и он в свои тридцать лет очень не хотел снова возвращаться в лагерь.

Но, будучи человеком неглупым, он прекрасно понимал, что умения играть на гитаре и в карты недостаточно для того, чтобы вписаться в нормальную человеческую жизнь.

Тем не менее, он планировал жениться и продолжать зарабатывать деньги игрой в карты. Никакого иного способа иметь достаточно денег он не знал.

Однако, глядя на его приморенный каторжанский вид, не очень верилось, что на воле найдутся охотники садиться с ним за стол.

Его неприличная худоба, сутулость и босяцкие манеры вряд ли могли вызвать доверие у лиц далёких от лагерного быта.

Это понимал и он сам, а потому всё чаще и чаще заводил разговор о воле.

И вот однажды, в ответ на жалобы Алика, Юра Селиверстов пошутил:

– А давай, Алик, за оставшиеся два года я сделаю из тебя спортсмена, а Марк тебя натаскает так, что ты превратишься в самого гнилого и паршивого интеллигента.

Присутствующие при разговоре весело рассмеялись, и только Алик отнёсся к этому со всей серьёзностью.

Вечером он дождался меня в секции и попросил взяться за его образование и воспитание.

Он обещал делать всё, что я буду требовать.

– Ну, ты же не хочешь, чтобы я снова чалился по зонам? – закончил он разговор.

Этого я точно не хотел.

Я достал из тумбочки томик Шекспира и загнул страницу, на которой был знаменитый монолог Гамлета «Быть или не быть» в переводе Лозинского:

– Если завтра расскажешь наизусть, то, считай, договорились.

Назавтра к вечеру Алик без запинки продекламировал заданное и получил от меня задание выучить «А снег повалится...» Евтушенко.

Наверное, необходимость уметь быстро считать при игре в карты так развила его память, что к следующему вечеру, он знал наизусть и это стихотворение.

Ежедневно я давал ему учить наизусть стихи, и он каждый раз успешно справлялся с заданием.

Одновременно с постижением высот поэзии, я стал давать ему книги и журналы с отмеченными статьями и рассказами, заставляя неторопливо и правильным русским языком пересказывать их содержание.

Юра потребовал, чтобы Алик бросил курить и пить чифир.

Он организовал в пристройке столярного цеха «качалку». И Алик, под его руководством, стал регулярно заниматься тяжелыми физическими упражнениями.

Я с радостью составил ему компанию, ибо и моя фигура не отличалась атлетизмом. А по утрам мы втроём бегали по кругу футбольного поля.

Юра на воле был гимнастом. В лагерь он попал за убийство во время службы в армии «деда», который над ним издевался.

Кроме этого мы стали ежедневно гулять вечерами и я рассказывал Алику всё, что помнил из географии, истории, культуры, музыки. И всякими разными сведениями, чем полна голова начитанного студента-недоучки. Алик впитывал всё, как губка. Не помню я в своей жизни, чтобы кто-то с таким болезненным остервенением и жадностью учился всему на свете.

Месяцев через восемь, когда в секции парни спорили у кого сильнее руки, Алик уступил только вальщику леса.

Это было непостижимо.

Фигура Алика выровнялась и приобрела вполне спортивную форму.

Болтать же за год он свободно научился на любые темы. Как писал Пушкин: «... с учёным видом знатока». Да так, что только узкий специалист мог его подловить на некомпетентности.

О работе шагающего экскаватора он мог говорить так же свободно, как и о пении Марио Ланца или поэзии почти неизвестной тогда в СССР Анны Ахматовой.

Он выучил наизусть все либретто из книги Друскина «Сто опер» и мог болтать о музыке часами, хотя никогда не бывал в оперном театре.

К своему выходу на свободу Алик и выглядел спортивно, элегантно и уверенно.

И хотя знания его были поверхностными и дилетантскими, нужно было быть очень образованным и знающим человеком, чтобы пробиться через его уверенное нахальство.

...Он вышел на свободу и пропал.

Не писал он даже нам с Юрой, хотя мы и ждали. Но мы понимали, с какими трудностями он столкнулся. Как он собирался зарабатывать на жизнь картами и не сползти в уголовщину, было не совсем понятно.

Потом жизнь закружила меня так, что я забыл и про Алика и про многих других парней, с которыми меня сталкивала жизнь.

...Прошло почти тридцать лет.

Я стал семейным, вполне обеспеченным и уважаемым человеком к тому времени, когда нас с женой пригласили на юбилей к одному большому московскому чиновнику.

Не зная, что подарить юбиляру, я обратился за помощью к своему московскому другу актёру Георгию Мельскому.

Он по телефону договорился с известным московским антикваром Никольским, что тот нас примет и поможет.

На мой вопрос, не подсунут ли нам подделку, Жора заметил, что хозяин магазина очень интеллигентный человек с безупречной репутацией.

Когда мы подъехали к магазину, нам навстречу вышел высокий седой господин с профессорской бородкой, в бифокальных очках и с бежевым шёлковым шарфиком на шее.

Безупречные манеры и неспешная, правильно поставленная речь хозяина большого антикварного магазина говорили о его достоинстве и достатке.

Он предложил нам китайскую фарфоровую женскую статуэтку, пояснив, что знаток поймёт и оценит ценность такого подарка.

Что-то мне казалось знакомым в этом барственном антикваре, но мы торопились, и я не задумывался об этом.

Мы оплатили покупку и, пожелав всего доброго хозяину, попрощались. Уже у выхода он дал мне свою визитную карточку.

Я сунул её в карман и рассмотрел только на следующий день в номере гостиницы:

«Никольский Альберт Георгиевич

Антиквар»

На обратной стороне ручкой был нарисован силуэт гитары. И написано: «Алик».

Еврейское счастье

Посвящается Георгию Мельскому

У Ефима Борисовича Бердичевского были все основания считать себя счастливым человеком.

Из всей его большой семьи после коллективизации, голода, войны и репрессий в живых остался только он один. Такое везение Ефим Борисович считал подарком судьбы и своим еврейским счастьем.

И даже на фронте он всегда был вдали от передовой, изготавливая и ремонтируя упряжь для лошадей, потому что унаследовал от отца замечательную профессию шорника.

Она не только кормила и одевала его, но и позволяла жить одиноко, тихо и незаметно.

А с малых лет он только и слышал от близких ему людей, что еврею нужно жить тихо и незаметно. И только так можно обрести своё еврейское счастье.

Осколочное ранение навсегда лишило Ефима Борисовича возможности завести семью и иметь детей, поэтому он жил одиноко и тихо, работая шорником на Дубровском конезаводе под Полтавой.

Наверное, так и доработал бы он до пенсии, но бригада из ОБХСС вскрыла разные махинации руководства завода, которые легли в основу уголовного дела.

И, хотя Ефиму Борисовичу ничего о делах директора известно не было, его, в числе многих других, осудили на четыре года, что он считал большой удачей.

Большинство получило от десяти и выше.

По дороге в лагерь Бердичевский очень боялся попасть на работу в каменный карьер, о котором рассказывали разные ужасы.

Но, как всегда, Ефиму Борисовичу еврейское счастье и тут улыбнулось. Его определили в цех по сбиванию ящиков для фруктов и овощей.

Однако, когда он в первый день вышел на работу, то страшно запаниковал, увидев, что происходит в цеху.

Тарную дощечку к цеху подвозили на автомашине, и рабочие, разбившись на группы, устраивали настоящие сражения, чтобы заготовить сырьё на дневную норму.

И даже однорукие инвалиды, которых начальство обязало выполнять восемьдесят процентов нормы, тоже бились, буквально, насмерть за обладание нужным количеством заготовок.

Те, кто норму не выполнял, ночевали в холодном изоляторе.

Каждый день кто-нибудь падал с машины или был избит в кровь, жестокими конкурентами.

От этого зрелища Бердичевским овладел такой страх, которого он не испытывал даже при артобстрелах.

Но опять еврейское счастье не отступилось от него.

Мастер цеха определил Ефима Борисовича возить на большой тележке из соседнего цеха сырьё для безногих инвалидов.

Эти заготовки пилили из старой дощечки для ящичков под банки.

Ефим Борисович с таким же пожилым татаринцом по имени Назир нагружали тележку и тащили за оглобли к безногим инвалидам, которые сами этого делать не могли.

К вечеру у Ефима Борисовича болели руки и не разгибалась спина, но он был счастлив оттого, что не зависел от коллектива, да ещё такого беспокойного.

А когда Назир приспособил к тележке лямки от пожарного шланга, то работать стало намного легче и удобней.

Всё опять устроилось в его жизни замечательно, и Бердичевский ничего лучшего для себя не желал. Он только всё время боялся, что его могут перевести с подвозки на сбивание ящичков, где он, не вписавшись в коллектив, просто погибнет от избиений или бесконечных изоляторов.

Этот страх возникал всегда, когда, безногие жаловались на нехватку сырья.

И хотя Бердичевский и Назир были тут ни при чём, никто не знал, что придёт в голову начальству.

Он даже просыпался среди ночи от страха потерять своё «тёплое» место.

Кроме того, его работа была повременной, а значит, всегда гарантировала дополнительное питание в виде трёхсот грамм хлеба, сахара и каши.

Всё было хорошо, и дай Бог, чтобы ничего не менялось.

Бердичевский свято верил в своё еврейское счастье.

Однажды, проснувшись утром, Ефим Борисович почувствовал неприятное давление под левой лопаткой и ноющую боль по всей левой руке.

Эти ощущения не проходили целый день, и он записался на приём к врачу, хотя очень боялся услышать пугающий диагноз, от которого его может разбить паралич.

Он с детства помнил свою парализованную тётю Розу, от которой все устали и втайне желали ей смерти. А что будет с ним, у которого никого из родных не осталось.

Страшно было даже подумать о том, чтобы медленно умирать на руках у чужих людей в бедном, казённом заведении.

Он молил Бога о быстрой и лёгкой смерти, и совсем неважно, когда это случится.

Лишь бы быстро и без мучений.

С этим страхом он и вошёл на приём к лагерному врачу.

Пожилая докторша, узнав о его военном прошлом, отнеслась к нему с вниманием и теплотой. Она долго его выслушивала, ощупывала и обстукивала.

– Я дам вам направление в больничку на обследование. Нужно, чтобы вас осмотрел кардиолог.

Но Ефим Борисович сказал, что ехать на больничку не может, потому что потеряет хорошую работу, без которой пропадёт.

Докторша объяснила, что, если он не будет беречься, то его ожидает, в конечном итоге, инфаркт, а это, в условиях лагеря, может закончиться смертельным исходом.

– А меня не может парализовать? – робко спросил Ефим Борисович.

– Не думаю. Обычно паралич бывает при инсульте, а вам грозит инфаркт. Я дам вам порошки и таблетки. А в конце месяца покажу Вас кардиологу. Посмотрим, что он скажет.

Получив от докторши лекарства, Ефим Борисович отправился к себе в секцию.

Докторша его успокоила. Его не может разбить паралич, как тётю Розу. Он никому не станет обузой, и его не будут оскорблять, унижать и избивать чужие и бездушные люди.

Он всего лишь спокойно умрёт. Может быть даже во сне.

И тут его не покинуло еврейское счастье.

Если уж есть у человека счастье, то оно есть во всём.

И Ефим Борисович счастливый и успокоенный пошёл к себе в барак.

Как мало нужно для счастья

Это только выражение такое бытует, что «зэки в лагере сидят».

На самом же деле лагерная жизнь человека настолько наполнена событиями, словами и мыслями, что многие сидельцы, оказавшись на воле, испытывают душевный дискомфорт от бесцельности своего существования и отсутствия впечатлений в их спокойной, размеренной и сытой жизни.

Поэтому немалое их число только в лагере снова обретает комфорт и, главное, достоинство, чего на свободе им не удаётся найти ни за какие деньги и усилия.

Есть, конечно, отдельные экземпляры, которые с первого своего лагерного дня думают только о свободе. Но таких немного, и жизнь у них безрадостна, бесперспективна, пуста и убога. Такие и устроиться в лагере не могут, и от воли они намного дальше, чем им это представляется.

В лагере всё им не нравится. На всех они смотрят с высоты (как им кажется) своего былого и будущего благополучия, что делает их в лагере абсолютно инородным телом, со всеми вытекающими из этого нехорошествами.

По выходе на свободу лагерь им вспоминается, как нескончаемый кошмар и беспорядок, меж тем, как лагерная жизнь крайне упорядочена и размерена, если живёшь в лагере полноценной жизнью, воспринимая это время, как непростую часть своей судьбы, а не как ошибочное временное недоразумение. Особенно если руководствуешься известной мудростью: «Когда нет возможности изменить обстоятельства, то изменись сам»

Хотя особо измениться никому не удаётся, потому что то, что заложено папой и мамой – это уже навсегда.

Но можно приспособиться и подстроиться, не очень теряя себя. Если, конечно, хватает ума. Это тоже от мамы и папы.

Для многих людей и война и лагерь являются, в итоге, самыми осмысленными и продуктивными годами жизни.

Хотя, по трезвом размышлении, и война, и тюрьма человеку противопоказаны.

Как на войне солдат, так и в лагере сиделец воспринимает и принимает многое из того, что на воле прошло бы мимо его сознания. На воле человек не замечает воздуха, которым он дышит, хлеба, который лежит себе на столе, как продукт сопровождающий основное блюдо, или плач ребёнка, который лишь отвлекает и раздражает.

В лагере же кусочек хлеба всегда отдельная радость и праздник.

Не говоря уже о такой роскоши, как 15 грамм сахара, который ежедневно положено получить зэку к завтраку.

А уж услышать плач ребёнка мечта несусветная.

Постоянное чувство голода или страха остаться голодным превращает любую трапезу в отдельное событие и небольшое происшествие. А часто и большое.

...Но в тот вечер, о котором пойдёт речь, мне было не до философских и сентиментальных раздумий.

Срывался график погрузки вагонов, и я долго утрясал вопрос со станционным начальством, а когда пришёл в секцию, то с печалью обнаружил, что тумбочка, куда зав. столовой, обычно, присылал на нашу семью, оплаченные заранее продукты, пуста.

Мои друзья, оторвавшись на время от многочасовой игры в карты, всё съели.

Им и в голову не пришло, что я тоже могу быть голодным. Наверное, посчитали, что я где-то гуляю. Значит там и поем. Было это не в первый раз, потому что картёжная игра занимает в голове человека всё пространство. Особенно в лагере.

Но это была моя многолетняя играющая лагерная семья, а потому я просто взял у одного из них десятку и отправил шныря, по фамилии Ач, в столовую, в слабой надежде, что ему оттуда, может быть, что-нибудь удастся притащить. Хотя в такое позднее время надежда эта была абсолютно необоснована.

Но, если прохвост Ач не сумеет чего-либо достать, то надеяться больше было не на что. Есть хотелось безмерно, потому что и пообедать я не озаботился, понадеявшись на ужин.

День на производстве выдался тяжёлый.

Узнав, что Ач пошёл на кухню, ко мне стали пристраиваться те, кто пропустил ужин, или где-то выпил и не закусил. А кое-кто просто за компанию.

Сидело таких человек восемь в моём проходе, и, болтая ни о чём, ожидали возможной трапезы.

Время было уже к одиннадцати, а Ача всё не было.

Я уже почти перестал надеяться, когда в дверях нарисовался с победным видом Ач, держа в руках 10-литровую раздаточную кастрюлю. Чувствовалось, что это победный вид дался ему непросто.

Он поставил на табуретку кастрюлю и снял с неё полотенце.

Кастрюля доверху была наполнена какой-то серой неаппетитной массой, напоминающей что-то среднее между глиной и пластилином.

– Ты чего притащил?

– Так все склады уже закрыты. Это мы с хлеборезом и Колейко-чегаром сварганили. Нормально получилось. Ты попробуй!

У всех уже в руках были ложки, и только я один оказался не у дел.

Но, наконец-то, попробовал и я. Это оказалась провернутая через мясорубку маринованная килька с хлебом, луком и подсолнечным маслом. Так это же почти форшмак!

Моя замечательная тетя Ира из Одессы всегда встречала меня фаршированным судаком и форшмаком из черноморской селёдки. Господи! Когда же это было!?

Сейчас же я вспомнил не только любимую тётю, но и всех православных святителей, настолько это было вкусно. Жулики уже раздобыли водку, потому что закуска требовала.

Но я не пил. Я ел.

Стану я ещё отвлекаться на алкоголь, когда рука моя сама в невесомости на автомате зачерпывает из кастрюли эту благодать и будто в полёте направляет её в рот.

Ох! Как это было вкусно.

Только ради такого вечера и такого ужина нужно попасть в лагерь, потому что простому горожанину никогда не почувствовать и не пережить такого счастья и таких ощущений таким простым и недорогим способом.

Как, всё-таки, мало нужно человеку, чтобы испытать неземное счастье.

И как много нужно для этого ему совершить разных глупостей.

Тайна Дубового Носа

Судьба двух героев нашего рассказа переплелась самым неожиданным образом и оставила заметный след в истории противостояния крупнейших разведок современности.

Один из них выдающийся шпион Джонатан Поллард, еврей по происхождению, передававший по собственной инициативе ценнейшую информацию израильтянам из своего кабинета в Разведуправлении США. Ныне самый охраняемый заключённый федеральной тюрьмы Батнер в Северной Каролине под номером 09195-016.

А другой пьяница и дебошир Яша Зельдович по кличке Дубовый Нос, давно отбывший свой шестилетний срок в одной из колоний Архангельской области и похороненный своими близкими на одном из кладбищ вблизи израильского города Нетания.

Друг друга они никогда не знали, и тем не менее жизнь одного существенно повлияла на судьбу другого.

Яша Зельдович, закончив отделение эксплуатации и ремонта строительных машин в Донецком Политехническом институте, уехал работать в Сибирь на открытые угольные карьеры обслуживать шагающие экскаваторы. Был он хорошим специалистом, изобретателем и рационализатором. Он многое предлагал изменить и в технологическом процессе и в используемой технике, но начальство отшивало его вместе с его, как им казалось, бредовыми идеями, и основной упор делало на выполнение плана любой ценой. Но Яша отчаянно боролся за справедливость, особенно, когда выпивал, а потому часто менял места работы. Начальству его суровая правота не нравилась, и оно пыталось оказывать на Яшу административно – общественное давления, которое в конечном итоге закончилось избиением членов парткома на открытом профсоюзном собрании.

А поскольку это избиение сопровождалось его антисоветскими выкриками типа:

«Банда, временно захватившая власть... Подумаешь они пятьдесят лет держатся – монголы триста держались и гикнулись!», то его обвинили, кроме хулиганства в разжигании межнациональной розни и оскорблении братского монгольского народа в момент приезда в Москву товарища Цеденбала, и дали шесть лет строгого режима.

В колонии Яшу направили работать в механический цех мастером, и начальство было им очень довольны. Возникали с ним проблемы только тогда, когда его рацпредложениям ставили препоны. Яша напивался, шёл качать права и оказывался в изоляторе.

Но поскольку он был ценным и исполнительным работником, то начальство старалось идти ему навстречу в его изобретательских новациях, которые, кстати сказать, всегда были своевременны и уместны. Тем более, что в остальном Яша Зельдович оставался добрым и покладистым человеком.

Заключённые относились к Яше с уважением, цenia его образованность, трудолюбие и готовность помочь в любом деле. Кличку же ему сразу дали Дубовый Нос, так как нос его был неприлично больших размеров.

Управление, в котором содержался Яша, готовило под вырубку леса новый лесной массив, а проблема устройства зимней дороги для вывозки хлыстового леса никак не решалась. Дело в том, что зимняя дорога устраивается по замёрзшему болоту путём расчистки снега и дальнейшего накатывания очищенного от него полотна.

В одном из мест дорога переходила в пятикилометровый подъём с поворотом наверху, и гружённые лесовозы, порой, просто не дотягивали доверху.

Посоветовавшись со специалистами Минского автозавода, устроители пришли к выводу, что для этого маршрута целесообразнее использовать под лесовозы автомобили МАЗ с одним задним приводом, чтобы можно было разогнаться и по инерции преодолеть подъём.

Эксперимент увенчался успехом. Двадцатитонная машина с прицепом разгоняясь на подходе к подъёму, выносилась наверх инерцией и благополучно преодолевалась подъём с поворотом.

Запасы для зимней валки леса были лет на пятьдесят и это обеспечивало бесперебойное ежегодное выполнение плана двух зимних кварталов, поэтому задача рассматривалась, как стратегическая.

Однако с первых дней вывозки стали возникать проблемы. Иногда водители недостаточно разогнались, а иногда перегружали автомашину, и из сотни машин две-три не дотягивали до заветного поворота. Решили и этот вопрос. Установили на самом верху трелёвочный трактор, и он вытягивал своим ходом или лебёдкой машину до верха.

Тем не менее жизнь есть жизнь, и некоторые машины сваливались при откате в кювет, бывало и переворачивались вместе с лесом у нерадивых, а часто и просто пьяных водителей. У тракторов же не хватало мощности выровнять многотонную машину и вытащить её из кювета.

Руководство понимало, что при полной нагрузке на новый участок без аварийных ситуаций не обойдётся. И тогда было принято решение послать на этот участок Яшу Зельдовича с его изобретательским талантом. Его срочно расконвоировали и он начал готовиться к зиме.

Перво-наперво он потребовал обустроить его место работы. Завезти ремонтный вагончик, срубить просторную будку для сна и отдыха, поставить цистерны с топливом и многое другое, что необходимо было, по его мнению, для нормальной работы.

Затем он велел закопать наверху старый бульдозер с привязанным к нему концом толстого троса, к которому прикрепил огромную самодельную лебёдку с мощным двигателем, и установил её на саях, сваренных из рельсов.

Когда бульдозер зимой вмёрз в землю, никакие силы уже не могли сдвинуть лебёдку с места, а значит, она способна была вытащить из завала любую машину, если трактор был бессилен.

Система заработала, как часы, начальство и рабочие были довольны, а Яшино хозяйство со временем превратилось в стоянку, ремонтную базу, зону отдыха, и даже в место свиданий.

У него жили охотники, геологи, бомжи и даже ракетчики из Плисецкого космодрома.

Ракетчики особенно дружили с Яшей, потому, что он всегда находил возможность им помочь, когда они изучали обломки своих рухнувших в тайге ракет. До космодрома тащить эти обломки не было ни смысла, ни сил, и их изучали на местах падения, временно обустриваясь с Яшиной помощью.

Понемногу Яшин участок стал настолько большим и популярным, что слова любого человека в округе «гудели всю ночь у Дубового Носа» было понятно даже детям.

Сначала геологи, а потом и топографы стали обозначать на картах это место «Дубовый Нос». Ракетчики, были более воспитаны и ответственны, и обозначили на своих рабочих картах это место уважительно «Хозяйство Зельдовича».

Яше очень нравилось своё положение и отношение к нему всех окружающих и он, после освобождения, несколько лет ещё работал там дорожным инженером, оставив после отъезда о себе хорошую память и географические названия.

В начале восьмидесятых годов Яша в уже солидном возрасте переехал в Израиль на ПМЖ вместе со всей своей роднёй. Всём в Израиле он был доволен, и только творческая неудовлетворённость терзала его мятежную душу.

Он работал в цеху, где делали компоненты для медицинских приборов и аппаратов, пытался что-то изобрести, но без знания языка этого не получалось, и он очень от этого страдал.

По пьянке он рассказывал своим друзьям и собутыльникам о своей творческой жизни на старой родине, демонстрируя при этом необычные фотографии. На одной он в кабине невиданной огромной машины размером в двухэтажный дом, на другой у хвостового оперения ракеты с двумя генералами, а на третьей стоит ногой на голове огромного лося с автоматом Калашникова. Была даже фотография, где Яша стоит по колени в снегу в одних трусах в накинутой на плечи генеральской шинели.

Всё это было более чем странно, а потому мало-помалу он оказался под колпаком израильской контрразведки ШАБАК.

Всеми миру известна израильская разведка МОССАД своими дерзкими подвигами, однако и ШАБАК тоже контора не хилая..

Яшу, который принял, как и многие, по приезду в Израиль новое имя Бен Цур, обложили со всех сторон. Подсланные агенты-осведомители доносили, что Бен Цур человек очень осведомлённый, и свободно оперирует специфическими секретными понятиями, особенно в нетрезвом виде.

Был получен ордер, и обыск дал неожиданные результаты. Были обнаружены десятки фотографий, где Цур снимался вместе с офицерами самого высокого ранга, части ракет и ракетного оборудования, а главное карты, представляющие известный интерес.

По всему получалось, что «Хозяйство Зельдовича» является замаскированным секретным объектом. Но оставалось много вопросов, в том числе и по другому названию объекта «Дубовый Нос». Напрашивался вопрос, почему скрывается это название на военных картах.

Израиль, практически, не занимался оборонными вопросами СССР, но никто не скрывал, что в пике американской космической оборонной программе СОИ, русские приступили к ответным мерам, запустив в производство серию ракет под кодовым названием пород деревьев.

О ракетном комплексе «Тополь» уже было многое известно. Вполне возможно, что загадка «Дубового Носа» была из той же серии. Когда же всплыло настоящее имя Бен Цура – Яков Зельдович, многие схватились за голову. Так звали одного из ведущих создателей советской водородной бомбы.

Всё это, конечно, могло быть хорошо продуманной игрой КГБ, и именно поэтому лучшие израильские аналитики ночами напролёт изучали всевозможные доступные документы и ломали свои умные еврейские головы.

И было это вот почему.

Несмотря на всю свою мощь, разведка Израиля занималась очень узким кругом вопросов. У неё не было ни сил, ни возможностей заниматься странами не представляющими для государства непосредственной опасности. Этими вопросами занимался могущественный старший брат, который не очень щедро делился этими секретами, как, впрочем, и теми, от которых напрямую зависела жизнь Израиля. Америка всегда была щедрым, но суровым братом.

Незадолго до истории с «Дубовым Носом» на израильтян самостоятельно вышел американец, еврей по происхождению, и предложил поставлять информацию из тайн своего кабинета в здании американской спецслужбы.

Евреи очень боялись подставиться под гнев США, но информация была такой важной и секретной, что нигде не регистрируя нового агента, они продолжали его использовать, полагая, в случае провала, от него отказаться.

Теперь же появилась возможность ещё и задобрить своих заокеанских коллег информацией по линии «Дубового носа».

А, если в этой истории даже десятая часть правды, то и это зачтётся Израилю при кризисной ситуации.

К этому времени Джонатан Поллард, а именно так звали заокеанского агента Израиля, передав громадную часть имеющейся в ЦРУ информацию об обороне враждебных соседей Израиля, попал под колпак, запаниковал и прибежал спасаться в израильское посольство в США, где его не приняли и выставили. За воротами американцы надели ему наручники и отправили в тюрьму.

Разразился дипломатический скандал. Но евреи от Полларда отказывались, а названных им связников офицеров разведки в природе не существовало.

Тут-то и были переданы американцам наработки по «Дубовому Носу».

Услышав фамилию выдающегося учёного в сочетании с противоракетным комплексом, американцы немедленно взялись за дело, но вдруг выяснилось, что бывший Зельдович, а ныне Бен Цур неожиданно погиб при столкновении машины его пьяного зятя с грузовиком.

Американцы в такую случайность не поверили, полагая, что это происки евреев или русских. Космическая разведка по картам Бен Цура ещё больше запутывала ситуацию. Речь шла о многомиллиардной программе, и имеющиеся факты требовали немедленного объяснения.

Однако вся информация была настолько противоречива, запутана и вызывающа, что возникало всё больше подозрений.

Были задействованы все русские каналы, но тайна «Дубового Носа» не разъяснялась.

В конце концов американцы решили «купить» русских своей «откровенностью», благо начиналась горбачёвская оттепель.

– Нам давно известна тайна вашего Дубового Носа – заявил на дружеской беседе американский генерал русскому.

Русский визави сделал серьёзное лицо и, полагая, что это обычная игра, ответил:

– Вы имеете ввиду нос майора Ковалёва – намекнул генерал на «Нос» Гоголя.

– Я имею ввиду ответ на программу СОИ.

Все были озабочены.

Американцы, услышав про майора Ковалёва поняли, что удачно бросили камень в омут. А русские были в полном недоумении.

Всем службам было поручено разгадать намёк с «Дубовым Носом».

На утро следующего дня, со слов Первого секретаря Воронежского обкома партии, было известно, что есть охотничья стоянка с таким названием, где у друга из МВД охотился на лося его сын.

Однако в Архангельском обкоме никто ничего не знал. Нашли офицера у которого охотился сын Первого секретаря. Всё становилось на свои места, но угнетало своей несуразностью. Отправили высших офицеров из военного округа и КГБ разобраться.

Под вечер позвонили американцам и пригласили их на охоту в уголье «Дубовый Нос».

Те, чувствуя на шее дыхание Вашингтона, согласились.

Когда вертолёт опустился на таинственную площадку, американскому генералу ничего не оставалось делать, как только убеждать русских, что он знал, о чём говорил, но русские смеялись американцам в лицо.

По объекту ходили офицеры конвойной службы, расконвоированные заключённые и даже две пьяные девицы, одну из которых на глазах у гостей вырвало.

Простить такого конфуза американцы своим младшим партнёрам не могли.

Они обиделись на Израиль всерьёз и надолго.

Пойманному израильскому шпиону Полларду вклеили пожизненное и посадили в одну из самых суровых тюрем США.

Израильский народ до сих пор недоумевает, почему и конгресс и Президенты США отказываются освободить несчастного Полларда, который сидит уже около тридцати лет.

Не понимают и политики США, почему ЦРУ стоит насмерть против освобождения агента дружественной страны, который особого вреда штатам не причинил, а его тайны давно устарели.

И только посвящённые, знают причину страданий выдающегося патриота Израиля, но они молчат, потому, что спецслужбы умеют хранить свои тайны.

Карты

Как и всякое сообщество, лагерное тоже структурировано по строго определённым правилам.

По соответствию поведения лагерным понятиям, по наличию денег, по принадлежности к тому или иному коллективу, по умению себя держать и работать, а также по многим другим, совершенно невидимым и непонятым признакам для человека непосвящённого или несведущего.

Границы такого структурирования очень чёткие и переход через них пресекается довольно жёстко, хотя не всегда жестоко.

Достаточно лёгкого намёка или взгляда, чтобы человек вернулся в своё «стойло».

Как не придёт в голову на воле слесарю ломиться в компанию, где сидят профессора и артисты, так и тот, кому «не положено», не полезет в круг, где ему могут указать на его место. А кому хочется ненужных унижений.

Особое место в структуре лагеря занимают картёжники, которых в брежневские времена по зонам называли «играющие». Так называли не тех, кто, по глупости своей, пытался легко заработать деньги или авторитет, получая, обычно, взамен длительные и тяжёлые неприятности.

Играющими называли тех, кто играл постоянно, платил вовремя, имел чистую «лагерную» анкету и имел в балансе большие деньги. Такие люди, как правило, были в самых крутых и богатых лагерных семьях. Как называлось тогда «катили по первому кругу».

Таких семей было на тысячную зону не больше десятка. Где-то 40–50 человек. Они-то и вершили все главные дела, через долги и деньги, которые крутились в игре и вокруг неё.

Администрация, как и остальная публика, видели только то, что на поверхности, потому что долги – это и путь к благополучию и дорога в пропасть.

Карточная игра в лагере это особый институт лагерного быта, о котором почти ничего не известно большинству сидельцев и сотрудников. А уж на воле это вообще какая-то сказочная тема на уровне примитивных детективных фильмов и романов.

Это вполне объяснимо, потому что карты в лагере это закрытый клуб, куда непосвященный может войти только в предбанник, откуда обычно он выходит голым и несчастным.

Пределы этого несчастья безграничны.

Хотя серьёзные люди не спешат загонять в угол неплательщиков, потому что такой субъект неизвестно, что может выкинуть.

Может и в оперчасть побежать, а может и прирезать ночью. Это в байках и фильмах демонстративные изнасилования и избиения. В жизни же должника безопаснее и выгоднее пристроить отрабатывать свой долг.

А приглашение «на интим» происходит тихо и скрытно, ибо в СССР была за мужеложство уголовная статья.

Да и простой изолятор не сахар.

Поскольку в моей семье двое были играющими, то я занимался должниками, пристраивая их на работу, что было для большинства спасением и большой удачей.

Я же, руководя производством, таким путём решал массу технических, бытовых и финансовых вопросов.

Естественно, что имели они только пятирублёвый ларёк и дополнительное питание. А приличная зарплата уходила кредитору.

Но так везло не каждому, потому что не каждый был способен хорошо работать в бригаде, которая разделявает лес. Всё это, естественно, было скрыто от начальства.

Постоянные же члены картёжного «клуба» знают друг о друге всё, что необходимо знать для сохранения многочисленных тайн от лагерного начальства и основной массы зэков.

Начальству же практически невозможно знать финансовый расклад картёжников, который и определяет главные подводные течения в зоне.

И начальству и основной массе зэков видны только драматические последствия столкновения этих течений в виде тяжёлых преступлений и совершенно необъяснимых и непредсказуемых поступков вроде бы нормальных людей.

В этом ряду особое место занимали люди, способные изготовить колоду карт из газет, чтобы их можно было тасовать «одна в одну» многие сотни и тысячи раз.

За двенадцать лет, проведённых мной на усиленном и строгом режиме в брежневские времена, мне не встречались магазинные карты, которые «играющие» презрительно именовали цыганскими, как и обычный способ их тасования. Среди серьёзных игроков тасовать можно

только ломая колоду пополам и запуская «одна в одну» бесконечное число раз, просчитывая в уме при этом порядок расположения каждой карты. Любая ошибка в счёте означала проигрыш.

Поэтому играющие бесконечно тасовали колоду карт, оттачивая движения и счёт до невероятного автоматизма и точности.

Все остальные, кто тасовал карты по-любительски (как на воле) были заведомыми жертвами с безрадостными последствиями.

Естественно, что карты должны быть исключительно крепкими и эластичными.

Никогда не слышал, чтобы кто-то в лагере играл краплеными картами или пытался банально мошенничать. Среди уважаемых людей это невозможно по определению.

Играли в основном в игру «третьими», когда банкир должен угадать карту партнёра, как в «Пиковой даме» у Пушкина. По «низам» играли и в очко или буру. Но люди серьёзные играли только «третьими».

Банкир, глянув на нижнюю карту, как правило, знал всю свою колоду, что даёт в игре определённые преимущества, если противник хоть немного слабее.

В нашей играющей семье делать карты умел один человек, поэтому этот процесс мне приходилось наблюдать часто, что нисколько не уменьшало моего удивления, когда из самых простых и примитивных исходных материалов получались невероятно эластичные карты, которые были многократно прочнее и удобнее магазинных.

Сначала рвалась страница газеты «Известия» «по слою», что позволяло получать ровные полосы.

Потом разорванные по размеру три листа склеивались клейстером из пережёванного чёрного хлеба, протёртого ложкой через носовой платок.

Высохшие листы обрезались лезвием по размеру и, собранные в колоду, а потом сдвинутые плотной лесенкой, затачивались стеклом для придания рёбрам клиновидной формы.

Чтобы рёбра при тасовании не «кашлатились», их натирали парафином.

Масти наносились пальцем через трафареты по мастям из смеси клейстера и жжёной резины для чёрной масти или крови для красной.

Никаких рисунков. Только число знаков масти. Валет трэф – два чёрных крестика. Дама червей – три красных сердечка.

На обратной стороне рубашка по трафарету от фантазии.

После этого колода должна «пропотеть», для чего её тасуют пару суток.

Игра в карты считалась одним из самых опасных нарушений, потому что последствия этой игры и определяли тайную жизнь зоны. А иногда и смерть.

Поэтому само наличие карт уже каралось пятнадцатью сутками изолятора.

А жалоба жертвы могла закончиться БУРом (барак усиленного режима) или «крытой» (тюремным режимом до 5 лет).

Правда, жертву это спасало лишь на время, потому что долг передавался кому угодно и куда угодно, догоняя жертву в самый неподходящий момент.

Сама жалоба ставила жертву вне закона, что приводило к последствиям, о которых даже фантазировать страшно.

Все мои играющие друзья, как правило, оказывались периодически в БУРе или на тюремном режиме.

Сам я в карты играть не научился, за что благодарен людям, предупредившим меня об опасности этого занятия. Таково было моё видение карт и всего, что с ними связано изнутри в лагерях брежневских времён.

Я сам таких описаний не встречал.

Возможно, эта информация кому – то будет интересной.

Чужие

«Прошлое такое, каким мы его помним».

Мудрость

Аркаша Безносок был кандидатом исторических наук.

За аварию со смертельным исходом его осудили на четыре года колонии-поселения.

Ни тюрьмы, ни лагеря он толком не видел. Опасаясь, поначалу, встречи с уголовниками, он совершенно успокоился, когда увидел простых и трудолюбивых людей. Таких он встречал и на воле, когда нужда заставляла общаться с сантехниками, сапожниками или механиками автосервиса. Ничего страшного он в них не видел, но и уважения эта примитивная и малокультурная публика у него не вызывала.

Посёлок, в котором находилась колония, основали поволжские немцы, которых Сталин сослал на север в начале войны.

В центре посёлка стояли два больших общежития, а ближе к лесу расположились домики для семейных.

Работать Аркадия определили в контору, где он вёл все бумажные дела.

Кроме начальника, в посёлке работали ещё два офицера и три надзирателя.

Колония заготавливала лес и вела строительство.

Работая прорабом на стройке, я часто общался с Аркадием. Его удивляла и возмущала моя дружба с зэками, которых он откровенно презирал.

– Скажите, Марк, ну что у Вас, образованного и интеллигентного человека, может быть общего с этим контингентом.

– Дорогой Аркаша – спокойно отвечал я – когда Вы поймёте, что я и есть этот контингент, можно будет надеяться, что Вы в чём-то сумеете разобраться. Кстати, этот контингент и есть тот русский народ, о котором Вы рассказывали своим студентам. Правда, этот народ не такой красивый и героический, как в романах. Но, как говорится, каков есть. Может и последнее отдать, а может и топором спяну зарубить. Но народ себе не выбирают, как и родителей.

Аркадий полагал, что я говорю ерунду или прикалываюсь.

Он искренне считал, что образование и книги научили его жизни и сделали умным и мудрым. Во всяком случае, умнее, чем эти сиволапые мужики, которых кроме водки ничего не интересует.

Когда он сказал мне, что хочет вызвать в посёлок свою жену, я посоветовал ему этого не делать.

– Почему? Другие вон живут и всё нормально.

И действительно, внешне жизнь колонии казалась спокойной и размеренной.

Поселенцам было что терять, а потому драки случались очень редко, а приставать к чужим жёнам считалось и неприличным, и небезопасным.

Девушки, известного толка, появлялись в посёлке регулярно. Одни приезжали заработать. А других заманивали разными правдами и неправдами, а тут уже пьяными удерживали по нескольку недель.

Начальство старалось этого не замечать, если все проходило тихо и без тяжёлых последствий.

Таким, как Аркадий, ничего такого известно не было, потому что он был далёк от реальной жизни посёлка.

Я всячески отговаривал его от «безумной» затеи привезти из Москвы жену, но он меня не слышал.

Жена его, Аня, оказалась симпатичной, наивной, восторженной и модной московской дамочкой.

К окружающим она относилась хорошо, искренне полагая, что её внимание должно их осчастливить.

Окончательно я убедился, что она ещё глупее Аркадия, когда на свой день рождения она пригласили десяток гостей и устроила им шведский стол с канапе и сухим вином, потому что «так принято в Европе».

Привыкшие к другому застолью, гости разошлись трезвые и голодные, пообещав себе никогда больше не бывать у этих «идиотов».

Но я продолжал с ними общаться, потому что, несмотря на свою житейскую инфантильность, людьми они были начитанными и интересными.

О том, что Аня стала погуливать, я узнал от замполита Скворцова, которого она удостоила теплотой своей души и тела.

Кого она ещё этим достаивала меня интересовало меньше всего. Пусть голова болит у Аркадия. Но, он, похоже, ни о чём не догадывался.

Наверное, это так и осталось бы для него тайной, если бы, в один прекрасный день, Аня не пропала.

Янисколько не удивился. Хитроумные и циничные урки, зная о её похождениях, могли её обманом напоить и уволочь к себе в общежитие на радость всему коллективу. Главное, что она дала им повод. А это уже полностью оправдывало их в собственных глазах.

С приличными жёнами так поступать было не по понятиям, да и небезопасно.

Остальное уже по схемам, отработанным годами.

Сам Аркадий никогда бы её не нашёл, потому что с ним никто не разговаривал.

В панике он прибежал ко мне.

Я взял с собой приятеля Валерку Рустамова, и мы разыскали пьяную до бесчувствия Аню в каптёрке общежития, куда уже выстроилась живая очередь.

После долгих переговоров, уговоров и запугиваний, нам с Валеркой удалось, за десять бутылок водки, вернуть Аню мужу, который срочно отправил её в Москву, где она, наверное, долго отходила от своих приключений.

Во избежание проблем, самого Аркадия начальство перевело в другую колонию.

Прошло около пятнадцати лет, когда я встретил их в ресторане «Макдоналдс», который впервые открылся в Москве.

Они сделали вид, что не узнали меня. Наверное, в придуманном ими прошлом, для меня места не было. Я не обиделся.

Если им так легче, то пусть живут, как умеют.

Тени прошлого

Мне всегда было интересно, на какие исследования или статистические данные опираются люди, которые, на голубом глазу, утверждают, что из проституток получаются самые верные и надёжные жёны. Дескать, они нагулялись, повидали жизнь, и в браке будут беречь покой и блюсти семейные ценности.

Если продолжить размышления в том же духе, то запойные пьяницы уже выпили, сколько могли, и в браке будут трезвенниками и лапочками. Даже, если бы они искренне и захотели быть такими, то одного желанья, мне кажется, недостаточно.

Есть ещё привычки, навыки, способы решать проблемы, репутация, друзья, а также те, кто будет всячески мешать такой идиллии, зная до этого человека совершенно другим. Я уже не говорю о таких мелочах, как привычке просыпаться рано утром и идти на скучную работу,

где вздорный начальник будет портить тебе нервы. И ещё много всякого – разного, из чего складывается жизнь, со всеми её недоразумениями, неприятностями и стрессами.

...Одного моего знакомства с одесситом Володькой Сафроновым, по кличке «Кентяра» хватило мне, чтобы навсегда запомнить, что жену нужно выбирать крайне серьёзно и осмотрительно.

Володька был спокойный, добрый и улыбочивый парень. Прибыл на зону он из дурдома, а за что его посадили, на строгом режиме это уже мало кому интересно.

Важно, кто ты и что ты сейчас.

Тёрся он с уважаемыми земляками, хотя уголовного в нём ничего не было. Казалось, что в лагере он человек случайный.

О том, что на нём четыре трупа я узнал от своего приятеля Паши Короля по кличке Дурак, который был с Володькой в одной психбольнице.

Однажды Паша рассказал мне его печальную историю.

...Когда Володьке исполнилось семнадцать лет, родители стали беспокоиться оттого, что он совсем не интересуется девочками. Опасаясь, что такое равнодушие может неизвестно куда завести, родители решили ему помочь и наняли профессиональную проститутку по имени Вера.

Сами они уехали в санаторий, сообщив сыну, что у них некоторое время поживёт родственница из другого города.

Двадцатипятилетняя Вера окончила институт иностранных языков и была человеком современным и интересным. Она не только открыла ему радость сексуальных отношений, но и приобщила к светской жизни. Она водила его по выставкам и театрам, поэтическим клубам и домам моды, читала лекции по истории и литературе. Она заставила его следить за собой, модно одеваться и стараться быть интересным и приятным для окружающих.

Когда родители вернулись, то они были приятно удивлены изменениями, которые произошли с их сыном.

Однако, исчезновение Веры свалило их сына в такую глубокую депрессию, что родители стали опасаться за его жизнь.

Они рассказали сыну, что Вера профессиональная проститутка и не стоит его любви и внимания, но ничего не помогало.

Ему было плевать на её прошлое. Без Веры он жить не мог.

Родители разыскали Веру и рассказали, как страдает их сын. Они попросили её пожить с ним какое-то время, предложив дом, оставленный бабушкой им в наследство.

К их радости, Вера быстро согласилась, сказав, что у них замечательный сын, и что она сама страдает от их разлуки.

И молодые зажили в бабушкином доме вполне пристойной и тихой жизнью.

Вера пошла работать в школу, а Володька поступил на третий курс строительного техникума.

Через несколько месяцев Вера сообщила родителям, что беременна.

Беда случилась, когда из армии вернулся Володькин двоюродный брат, который когда-то неоднократно был Вериним клиентом.

Сначала он начал делать ей грязные намёки. Потом, по-пьяни, стал откровенно приставать и оскорблять.

Однажды он ввалился в их дом с пьяной компанией и стал требовать от Веры любви для всех.

Вступившегося за неё Володьку стали бить ногами.

Пытаясь его спасти, Вера согласилась на всё, несмотря на крики и запреты мужа.

Володьку закрыли в кухне, а когда он выбрался наружу и вбежал в дом, то увидел такое, что совсем потерял рассудок.

Он не помнил, откуда у него в руках оказались два ножа, и не помнил, как бил и резал ими всех, кто попадал под руку.

Окончательно он пришёл в себя, когда все лежали мёртвые на залитом кровью полу.

Он вышел на крыльцо и ударил ножом себя в грудь.

Несколько дней он провалялся в реанимации, но выжил.

Мёртвых оказалось четверо, включая Веру.

Благодаря стараниям психиатров, адвоката и сочувствию судей, он получил всего шесть лет строгого режима, с обязательным лечением в психбольнице, как лицо склонное к суициду.

Рассказ Паши просто не укладывался в голове, потому что привязать это к Володке Сафронову было совершенно невозможно.

Трудно было представить, какие муки пережил этот добрый и улыбочивый мальчик.

Но его печальный урок навсегда укрепил во мне убеждение, что жениться на бывшей проститутке крайне опасно, даже если она очень хороший человек.

Без Достоевского

Моя двоюродная племянница Марина, окончив израильскую школу, толком не знала, где находится Австралия.

Она даже плохо представляла себе, что это такое.

Не читала она ни Достоевского, ни Толстого. Такое же чудо, как Робеспьер, ей представлялось разновидностью мебели.

Наверное, это не очень хорошо. Даже скверно. Но прожить жизнь без этого, всё-таки, как-то можно.

Зато она свободно говорила на английском и арабском языках, была победительницей на олимпиаде по математике и чемпионкой школы по рукопашному бою. Она готовилась стать экономистом и сосредоточилась на этом.

Ещё она твёрдо знала, в какие надо идти войска, чтобы потом получить деньги на учёбу, легче сделать карьеру и понравиться самым крутым и перспективным мальчикам, за одного из которых, впоследствии, она и вышла замуж.

Никаких разговоров о патриотизме или сионизме я от неё не слышал.

Мотивация у неё совсем другая: ты больше стране – страна больше тебе.

Ещё её обучили тому, что нельзя садиться в попутную машину, ходить в ресторан за чужой счёт, доверяться мальчикам и вообще чужим людям. Быть бдительной во всём.

И, вообще, отвечать за свою жизнь.

В советских же школах нас учили и учат чему угодно, только не тому, как жить на свете. Даже не учат тому, как выжить. А, если и учат, то безрезультатно.

Все усилия нашего образования и воспитания были направлены на знания вопроса, а не умения решать вопросы. То есть умению жить.

Может быть поэтому такое количество наших сограждан стали жертвами МММ и других нечестных компаний.

Какой ответственности и бдительности могут такие родители научить своих детей?

Так между школой и родителями вырастают граждане не готовые к трудностям жизни и её неожиданным опасным сюрпризам.

Очень люблю фильм Говорухина «Ворошиловский стрелок». Сюжет динамичный и яркий. Актёры превосходные. Смотрел много раз и всегда с удовольствием. Всё в фильме хорошо и правильно. Упущена только самая главная мысль.

Почему семнадцатилетняя девушка, в здравом уме и твёрдой памяти, пошла с соседом в чужую квартиру зная, что там день рождения, а значит пьянка, а потом ещё и распивала с ними

спиртные напитки? Почему ей не втолковали, что парни всегда, при первой же возможности, хотят уложить девушку в постель. Что это от природы.

И, что не надо способствовать созданию для этого условий, если у тебя нет встречного желания.

Преступники всегда были, есть и будут!

Ну почему девушку обучили так, что совать пальцы в розетку она не станет, а выпивать в чужой квартире с тремя молодыми, мало знакомыми парнями пошла без сомнений и опасений?

Почему ей не вбили с детства в голову, что за свою жизнь отвечает только она одна.

Наше домашнее и школьное воспитание слишком много внимания уделяет внешним факторам, определяющим нашу жизнь.

В бедах страны виновата Америка. В смерти Пушкина виноват негодяй Дантес. Есенина и Маяковского затравила власть.

В потере квартиры виноват Мавроди. Без денег оставили жулики-картёжники. Друзья спаивают. Тёща разрушила семью. Начальник мешает продвижению.

И так до бесконечности. А ты сам, вроде, и ни при чём.

Нас воспитывали так, что все кругом виноваты. Кроме нас самих.

Эта, казалось бы, простая и естественная мысль практически исключена из воспитательно-образовательного процесса.

О двух главных героинях нашей классики Екатерине Масловой и Анне Карениной написаны миллионы страниц, где есть всё, что угодно, кроме того, что обе они сами выбрали свою судьбу.

Не много нужно ума, чтобы понимать последствия совершённых ими поступков по их доброй воле. Однако вся литературная критика сосредоточена на бездушии общества и эгоизме мужчин. Но общество всегда такое, какое есть, а мужчины всегда эгоисты, благодаря чему человечество ещё размножается.

Нет ни одной девушки на Земле, которая не слышала об этом с самого детства.

И, если на неё не напали, то за любые свои приключения ответственна только она.

А ведь достаточно взять всю ответственность за свою жизнь на себя, как многие вышеперечисленные беды нас не коснутся.

Конечно, и в библиотеке могут напасть, но скорее всего нападут в пьяной компании.

В СССР, как известно, «секса не было», а потому и школа и родители, сами ничего об этом толком не зная, не прививали своим детям поведенческие и медицинские знания в этом направлении.

В результате такого воспитания страну наводняла масса прекрасодушных идиотов, веривших в своё светлое будущее, которое должно было свалиться им на голову по праву рождения в самой прекрасной и справедливой стране. Они мотались по стройкам коммунизма, где не было элементарных возможностей соблюдать гигиену, что приводило к различным заболеваниям, бесплодию и другим неприятностям.

О жизни в мужских коллективах, где женщинам постоянно находиться противопоказано и опасно, и говорить не приходится.

Это приводило, в итоге, к трагедиям, разочарованиям, неверию в людей и весь существующий миропорядок.

А ведь жизнь такая, какая она сегодня есть, и наша задача не жаловаться на её несправедливость, а нормально в ней устроиться. Желательно, не мешая другим.

Однако всё это прелюдия к рассказу о хорошей женщине, жизнь которой могла бы быть успешной, если бы её учили жизни, а не интересным, но третьестепенным вещам.

Татьяна Петровна Соколова выросла в нормальной семье и ждала от жизни только хорошего.

Она уже оканчивала педагогический институт, когда неожиданно ей пришло письмо из Коми АССР.

Неизвестный ей парень по имени Олег писал, что случайно узнал о ней от знакомого, и что хочет с ней переписываться.

Сам он находится на поселении за совершённую аварию, но человек он порядочный, честный и весёлый.

С фотографии на неё смотрел молодой симпатичный парень лет двадцати пяти.

Татьяна читала «Педагогическую поэму» Макаренко и имела представление о жизни в колонии.

А фильм «Калина красная» потряс её настолько, что она, втайне, мечтала сама спасти такого человека, как герой Шукшина.

Никто не объяснил ей, что «Педагогическая поэма» и «Калина красная» просто талантливо написанные сказки.

А знакомство с лагерем требует большего жизненного опыта, чем чтение пропагандистских книжек и наивных фильмов.

И дело совсем не в том, хороший парень написал ей письмо, или не очень.

Но её учили тому, что людям надо доверять и, помогать. И что плохих людей не бывает, если с ними обращаться по-человечески, и объяснять, какая прекрасная может быть жизнь. А ещё она усвоила с детского сада дурацкий лозунг, что в жизни всегда есть место подвигу.

Ни школа, ни родители не рассказали ей, что подвиг в мирной жизни – это чья-то безалаберность и преступная халатность. Но ни учителя, ни родители сами этого не знали.

Она решила ответить, и переписка началась.

Олег оказался грамотным и очень интересным человеком, и через полгода они уже были близкими людьми и даже строили планы на будущее. Он не был похож на парней, с которыми ей приходилось общаться до этого, и отличался рассудительностью и нежностью. Татьяна была счастлива.

Решили, что после зимней сессии она приедет к нему в гости, и они окончательно решат, как жить дальше.

В письмах Олег предупреждал, что на севере живут всякие люди, и чтобы она была осторожна. Чтобы по приезду в город, находилась только на вокзале среди людей.

А потом на пригородном поезде, и только на поезде, поехала в его посёлок, где он её встретит. Чтобы ни с кем не разговаривала и никому ничего не рассказывала.

Он повторял это так часто, что Татьяне даже стало смешно: «Он что считает меня маленькой девочкой? Я сама скоро буду учить людей».

Ей было даже обидно.

Доехала она хорошо. На вокзале она взяла билет до посёлка Олега под странным названием Лоптюга.

Поезд уходил вечером, и Татьяна устроилась на скамейке с книгой. Потом она увидела мужчину, который о чём-то расспрашивал пассажиров.

Он подошёл к Татьяне и спросил, не видела ли она женщину в синем пальто с девочкой.

Татьяна не видела.

Мужчина присел рядом и попросил Татьяну присмотреть за его сумкой, а сам побежал искать жену и дочку.

Когда он вернулся, Татьяна дремала.

– Вы представляете, специально за ними приехал за сто километров, а они уехали на попутке. Мужчина был расстроен.

Татьяна обратила внимание, что он совсем молод, не более тридцати.

Старили его большие роговые очки.

– Наверное, инженер – решила Татьяна.

– А Вы куда направляетесь – спросил Сергей. Так он представился.

– К мужу на Лоптюгу – ответила Татьяна, как учил Олег.

– О! Так я же сам с Лоптюги. Так что будем дружить семьями. Ну, ладно, счастливо добраться.

И мужчина ушёл.

Татьяна снова открыла книжку, когда мужчина вернулся:

– А что Вам ждать до вечера. Я всё равно еду. Поехали со мной. Через пару часов уже будете на месте.

Лицо Сергея было таким простодушным и доброжелательным, что Татьяна решила не ждать до вечера. Да и неудобно было обижать человека недоверием и подозрительностью. «Сам, небось, за жену переживает».

В дороге весело болтали. Сергей всё рассказывал о жене и дочке, о работе механиком на лесозаводе.

Остановились у одноэтажного деревянного дома.

– Сейчас я сбегая, узнаю, что там с моими, и отвезу Вас.

– Ой! А я даже и не знаю, где Олег живёт.

– Ну, тогда заходите в дом, познакомьтесь с женой. А там решим.

За столом сидели двое мужчин и обедали.

– А что моей Ольги не было? Она же с дочкой должна была приехать.

– Так они в санчасти. У дочки что-то с желудком. Сказали сейчас придут.

– Вот к Олегу Семёнову приехала жена, а где он живёт, не знает.

– Да это мы быстро выясним. Садитесь к столу, поешьте пока, с дороги.

Татьяне и в голову не приходило, что никакой жены и дочки нет, что Сергея зовут Валентин, что ни о каком Олеге они и понятия не имеют.

И находится она не на Лоптюге, где живёт Олег, а в посёлке Яренга за 30 километров отсюда.

И что привезли её, как до этого привозили десятки других дурочек, чтобы как-то развлечься в отсутствии свободных женщин.

А весь их разговор отработан до мелочей, без предварительной договоренности.

И как родители, не сговариваясь, врут ребёнку про заболевших зверей в зоопарке, так и эти мужики понимали друг друга без слов.

Татьяна села за стол. Она и не заметила, как выпила маленькую рюмочку водки «чтобы согреться», потом выпили «за Олега», потом за «Супружескую жизнь», а потом Татьяна уже ничего не помнила.

Периодически она приходила в себя, но то, что она видела, ей казалось сном.

Продержали её в полубессознательном состоянии несколько дней, периодически вливая ей в рот водку.

Потом за 4 бутылки водки продали её, завернутую в одеяло, в соседний домик. Те в свою очередь продали её за водку в большой барак.

Это на местном языке называлось «купить шерсть».

Разыскали её через месяц офицеры администрации по требованию, приехавших в Управление, родителей.

На просьбы родителей наказать виновных, офицер ответил, что ничего доказать невозможно, потому что многие женщины приезжают добровольно, на заработки, и с этим уже устали бороться.

– Да и что теперь – сажать пятьсот человек? Воспитывать надо лучше дочерей, чтобы не делали глупостей.

Потом было лечение от венерических заболеваний, алкоголизма, аборт, шесть месяцев в психоневрологическом диспансере, и невозможность вернуться к нормальной жизни уже никогда.

На флейте водосточных труб

*Сделать бы жизнь с кого...
Делай её с товарища Дзержинского.*

В.В.Маяковский

Кто из читателей помнит имя старухи процентщицы из романа «Преступление и наказание» Ф.М.Достоевского?

Мне, например, пришлось искать его в интернете, хотя роман я читал трижды.

Имя её убийцы я помнил всегда: Родион Романович Раскольников. Она же у меня и моих знакомых осталась в памяти только, как противная старуха – процентщица, из – за которой случились все беды героя романа.

Почему же так получилось, что о судьбе убийцы написаны тонны исследований, он вызывает всяческую жалость и восхищение, а ни в чём не повинной женщине даровано наше презрение и неприятие? Её даже не жалко. Никому! Я таких не встречал.

Жалко убийцу, потому что личность он высокодуховная, страдающая и раскаявшаяся. Ещё он добрый. А старуха жадная. Да! Наверное, очень жадная. Но не убийца.

Она, правда, не отдаёт, за просто так, свои деньги. Но, прошу заметить, свои! И ни в чём плохом она не замечена. У неё частный ломбард, что необходимо населению так же, как рынок, сапожная мастерская или туалет. Ну, уж, во всяком случае, убивать за это не стоит.

Да и герой наш убил её не из высоких нравственных побуждений, защищая сирых и убогих, а чтобы ограбить. И, тем не менее, нас так воспитали, что наши симпатии на его стороне.

А ещё он, наверное, по утрам чистил зубы и гладил соседскую собачку.

А старуха – процентщица – нет.

Ну и что?

Он убийца и грабитель! А она – нет!

Но чего только ни наворотили исследователи и критики, чтобы нам его было жалко. А обычную, нормальную и невиновную женщину – нет!

Она не очень красива и повадки её не симпатичны. И племянницу она обижает. Но за это ведь нельзя смотреть на неё, как на овцу на скотобойне. Однако же её убийцу нам жалко, а её нет!

Мы все нормальные люди?

А наша система образования?

Чего же мы ждём от жизни и страны, если так рассуждаем и чувствуем?

Другие герои, на которых формировалось наше мировоззрение не лучше. Онегин и Печорин. Кумиры юношей и девушек. Кто из нас не мечтал походить на них?

Оба организовали убийство своих друзей из простого каприза и сумасбродства. От безделья и пресыщенности. А нас научили их жалеть и любить за то, что они мятущиеся натуры и могли бы стать декабристами. Ещё за то, что они «лишние люди» в несправедливом обществе. Никогда и нигде нам не говорили, что они убийцы. Никто и никогда.

Даже по законам империи они преступники. Дуэли запрещены. Но эти две дуэли ещё и разыграны, как по нотам. С целью убить. Или втоптать в грязь.

Жертв нам не жалко. Глупенький Ленский и позёр Грушницкий. Можно и убивать.

Ну, не хорошо, конечно.

Но ведь и Онегин и Печорин почти декабристы. То есть наши люди. НАШИ!
И ещё они нам симпатичны.

Потом в нашем образовании появится новый герой и пример для подражания.

Макар Нагульников, пробежавший всю «Поднятую целину» с портфелем и наганом в то время, как хлебопашец Банник выращивал хлеб для всей страны.

Любимый Шолоховым и нами Нагульников выбивает из Банника семенное зерно наганом по голове, чем обрекает на голод всю страну.

Но чуть не погибшего Банника нам не жалко, а Макара, исключённого из партии, мы жалеем и пишем на эту тему десятилетиями слезливые сочинения. Он же не для себя бил наганом невинного человека, а для родины.

Так, потихоньку, власть, литература и пропаганда приучили нас к неуважению к жизни того, кто нам не нравится.

А потом вообще самые страшные слова на Земле «убить и расстрелять» стали обиходными.

«Ещё раз получишь двойку – убью!» – кричит кому – то мама.

«Расстреливать таких надо» – кричит соседка на 10-летнего мальчика, разбившего мячиком стекло.

Ещё кумир наших сверстниц Печорин ухитрился похитить несовершеннолетнюю девушку, в результате чего она и её отец погибли, а брат стал разбойником.

Нам жалко, конечно, Бэлу. Но не больше, чем хорошую лошадь. А ведь любые половые отношения с похищенной – это изнасилование. Но, кто считает Печорина насильником и убийцей.

Он же наш. Без пяти минут революционер.

Ах! Как он страдает в чуждом ему обществе! А какое общество? Не способное понять его мятежную, возвышенную и ищущую натуру.

Царизм – одним словом.

А вокруг него гора трупов по его вине. Но он же смелый боевой офицер. Носит белые перчатки.

А они кто?

Я далёк от того, чтобы думать будто литература воспитывает убийц или святых. Но кашу в голове она делает невероятную, что мы, глядя на себя и своих сограждан, чувствуем ежедневно.

Литература подарила нам ещё массу героев, вызывающих наше презрение и отвращение. Чего стоят только гоголевские «собакевичи» и «коробочки». Но ведь о них в романе ничего худого не сказано. Странности и чудачества – да. Но это вполне законопослушные граждане, руководящие в меру своих сил и способностей своими хозяйствами и снабжающие страну хлебом, мясом и другими товарами.

Тогда же как наши любимцы Онегин, Печорин, Чацкий, Раскольников, Нагульников ничего путного за свою жизнь не сделали. Во всяком случае, авторы об этом не пишут.

Зато они все люди наши. Близкие нам по духу.

И что самое главное, люди думающие и высокодуховные.

А за «духовность» мы любого удавим.

Но духовность – это только личное дело. Как гигиена. Это между тобой и Господом.

А с людьми надо жить по-людски. То есть не мешать им. И уж, во всяком случае, не убивать.

Но нас так воспитали, что симпатии и антипатии мы испытываем по внешним или идеологическим признакам, упуская, порой, главное и определяющее.

Для нас духовно или идеологически близкий преступник дороже чужого человека, который не верит в наши глупости и идеалы.

С такой кашей в голове мы жили, живём и, наверное, ещё долго будем жить.

Причём вся страна без исключений. Такими нас вырастили.

Многие радовались 11 сентября 2001 года. В Америке погибло три тысячи. А уж не горевал почти никто. Чужие.

Зато жалели Милошевича. Свой. И не важно, что он там сделал. Никому не интересно. Свой!

...Фундаментные блоки из жидкого бетона оставляют в яме, накрывают и всю ночь обдают горячим паром.

Утром они готовы. Но пока их краном не погрузили в вагон, они находятся в яме и остывают. Лежать на них зимой в 20-градусный мороз одно удовольствие.

А, если в компании есть хороший и умный рассказчик, то это ещё дополнительная радость.

Лучшего рассказчика и собеседника чем Павел Петрович Пучков встретить в лагере трудно. В вольной жизни тоже. Да я и не встретил.

Капитан первого ранга, фронтовик – орденосец, кандидат наук, ракетчик, историк. Кладезь знаний, мудрости и юмора. Доброжелательная и светлая личность. Это от него я узнал правду о процессах 37 года. Это он рассказал мне горькую и героическую правду о войне, потому что сам провоевал от начала и до конца. А как он рассказывал произведения Зощенко и Аверченко.

И вообще на жизнь он смотрел открыто и честно.

Правда, он носил в лагере красную повязку.

Но человеку его возраста, биографии и положения это было простительно, тем более, что это было ради проформы, и никому ничего плохого он не делал. Наоборот, в любом вопросе он готов был немедленно помочь и поддержать.

Друзья на воле боролись за его освобождение, и он со дня на день ждал об этом известий.

Была, правда, одна заковыка в отношении Павла Петровича, но верилось в это с трудом, потому что, наше воспитание и обучение предполагало увидеть несколько другую личность, соответствующую этой заковыке.

Я уже неоднократно писал, что в лагере не принято расспрашивать человека о том, за что он сидит.

Во-первых, это не твоё дело. Может человек в «несознанке», а тебя подослали.

Во-вторых, менты часто карманникам (которых поймать с поличным очень трудно) подсовывают бабу, а потом сажают за половые преступления.

А в третьих, это никак не влияет на отношения.

Поэтому я никогда не интересовался прошлым человека. Меня волновало, кто он сейчас. От этого зависела моя жизнь. А в прошлом все были «героями» и «мучениками».

Про Павла Петровича говорили, что он сидит за то, что насильничал свою двенадцатилетнюю дочку.

Но ни его облик, ни манера поведения, ни его героическая жизнь этому не соответствовали.

Скорее верилось, что жена ему это организовала. Или начальство. Такое бывает, и нередко.

Мой приятель одессит Юра «Шкалик» спросил как-то Павла Петровича об этом. Павел Петрович обиделся:

– Враньё всё это. Это не дочка, а падчерица. И я не насильничал. Она до сих пор целка. Я только так, игрался с ней. У меня после неё лучше на жену стоял. Зато относился я к ней лучше, чем к родной.

Ни в чём не отказывал. На этом, дурак, и погорел. Она подружкам начала хвастаться. А их родители шум в школе подняли. Чего, спрашивается, лезть в чужую семью? Жену устраивало.

И дочке нравилось, как я её всю обцеловывал. И она любила меня везде целовать. Кому какое дело! Что я не заслужил у страны хорошей жизни? Слава Богу и суд учёл. И друзья все за меня. А то хотели червонец впать. Так что никому я ничего плохого не сделал.

Ну что тут сказать.

И мы не осуждали Павла Петровича. Наш человек. Геройский мужик.

А девке какая разница. Всё равно потом трахаться.

Испортили жизнь хорошему мужику, козлы!

Не посмотрели, гады, что он – наш....

Вся ментовская рать

Кому не лень было читать мои «Лагерные хроники», тот уже имеет некоторое представление о том, как жила зона строгого режима на севере в брежневские времена.

Конечно, эта жизнь очень отличалась от «малолеток» «общего режима» и «следственных изоляторов».

На строгом режиме уже никто не проявляет интереса к уголовным обычаям, традициям, песням и байкам.

Это привилегия новичков, которые только и думают о том, как они будут потом с томным и замурднённым видом рассказывать о тюремной жизни, непосвящённым, но жаждущим приобщиться к запретной романтике, идиотам, хотя бы на лингвистическом уровне.

На усиленном, строгом и особом режиме все силы человека направлены на выживание, с соблюдением, конечно, элементарных лагерных норм, которые тоже отличаются от романтических благоглупостей новичков, типа «красное есть нельзя».

Да кто бы это встретил на северной зоне живой помидор хотя бы один раз за десять лет?

По выходу же на волю каждый серьёзный терпигорец озабочен уже не тем, как себя подать, а наоборот, как бы незаметней затеряться среди бодрой и энергичной массы советских трудящихся. Правда, необходимо сделать поправку на трезвость.

За пьяных мы не в ответе. Они нам не интересны и не подотчётны.

В лагере при «Качалове» пьяный заведомо неправ (при остальных равных условиях).

И, когда читатели видят несоответствие в моих рассказах своим представлениям, рассказам случайных сидельцев и художественным фильмам, то я могу только и сказать, что эти байки и фильмы так же похожи на обыденность лагерной жизни, как фильм «Звёздные войны» Джорджа Лукаса на тяжёлый и опасный полёт Юрия Гагарина.

Поскольку большую часть срока после многих лет приключений я руководил лагерным производством, то через мои руки проходило немалое количество «левых» наличных денег.

Так тогда работало любое советское предприятие. Если начальник не «крутился», то ни о каком плане не могло быть и речи.

К чести надзиравших и охранявших меня офицеров, должен сказать, что никто и никогда из них не пытался иметь к моим деньгам какое-либо отношение.

Напомню, что это происходило в «брежневские» времена, 60–70 годы прошлого века, в лесных зонах строгого режима на севере.

Может быть потому, что им было чего терять, а, может быть, моральная атмосфера в стране этому не способствовала.

Я сам денег офицерам никогда не давал и от других такого за двенадцать лет не слышал.

Бывали, правда, редкие и достаточно курьёзные исключения.

Обратился как-то ко мне молодой лейтенант, начальник второго отряда Валера Смирнов с несколько необычной просьбой.

Молодой симпатичный москвич Петя Лисаев, из его отряда, проиграл в карты 96 рублей.

Платить ему было нечем, и вокруг него уже начались разные манёвры, известного толка, предотвратить которые не смогла бы на Земле никакая сила.

Сбежать от такого долга нельзя. Долг переводится на любого и в любое место.

И Валера Смирнов обратился ко мне, чтобы я заплатил, потому что иначе пацана «обуют». Я, конечно, заплатил, хотя впоследствии молодой балбес снова проигрался, что привело его к предсказуемым печальным результатам. Второй раз Валера не попросил меня. Это уже неприлично. А может он и не знал.

Был, правда, ещё один офицер, который просил у меня деньги.

Капитан Шевчук Николай Иванович. Служил он ещё при Берии.

Был он, обычно, слегка поддатый, но много знающий и не злой мужик.

Он подходил, несколько смущаясь, и говорил: «Марк Михалыч, дай трёшку до зарплаты». Этим его вымогательство и ограничивалось. Часто деньги он возвращал, если не забывал.

Поскольку мы все его любили и сочувствовали, то давали ему на выпивку без всяких проблем.

Слушать его рассказы было чрезвычайно интересно, потому что в подпитии он не совсем понимал, с какой стороны проволоки находится.

Однажды на 23 февраля ему поручили сделать доклад о Советской армии.

В огромной столовой первый ряд и президиум занимали офицеры, служащие и учителя. Было немало женщин.

Шевчук поднялся на трибуну и начал свой доклад.

Когда он дошёл до отличия нашей армии от армий западных стран, то его уже порядком развезло и он с пафосом заявил:

– Да что там говорить! Какое может быть сравнение с нашей армией? Кто смотрел кинохронику, как Президент Франции Помпиду прилетел в Шереметьево, тот видел, что когда наш оркестр заиграл «Прощание славянки», то французские генералы аж задрожали. А что вы хотите от французской армии, если там одни педерасты.

Президиум упал со стульев, но какой же это был подарок циничным и отмороженным зэкам, половина шуток у которых составляла эта тема.

Смеялись над этим года два. До тех пор, когда Николая Ивановича отправили на пенсию за нехороший проступок.

...Освободился многолетний комендант его отряда Вася Прилуцкий. Высокий и толстый хохол.

А поскольку они проработали вместе много лет, то Шевчук пригласил уже вольного Васю к себе домой, где они и пили «до потери документов». Поскольку трезвый Вася – это не совсем то же самое, что пьяный, то, уезжая, гость прихватил из шкафа парадный капитанский костюм, с коим и прибыл в родной Воронеж, где его вскоре задержал военный патруль, потому что форма была на нём явно с чужого плеча.

Был большой скандал, и Николая Ивановича под сочувствующие вздохи зэков и сослуживцев проводили на пенсию.

Жить он остался в посёлке, потому что уже без зоны жизни себе не представлял.

Однажды командир батальона подвёл ко мне высокого, породистого и красивого мужика лет тридцати пяти в дорогах и модных очках. Это оказался Председатель районного суда Эдуард Васильевич Щтемберг.

Простой и доступный судья был обожаем зэками, потому что попавший к нему на процесс по досрочному освобождению или поселению кандидат обязательно отпускался.

За это зэки содержали его старый ГАЗик в идеальном состоянии, а дровами и ремонтом районный суд был всегда обеспечен. А эти проблемы являлись немалой заботой любого руководителя.

Ни о каких деньгах судьбе я никогда не слышал.

Благодаря Эдуарду Васильевичу я тоже вышел на поселение и ещё потом оставил полтора года от своего срока родному государству. Больной, с температурой он приехал в наш посёлок и провёл заседание суда, узнав, что замполит хочет мне навредить и отложить моё дело. После моего освобождения мы продолжали общаться запросто и на равных.

А через четыре года, когда обком хотел его растерзать за критическое выступление на бюро, я прилетел к нему и увёз к себе, где мой знакомый секретарь райкома взял его инструктором в административный отдел и дал трёхкомнатную квартиру.

До сих пор мы дружим, и я счастлив тем, что сумел помочь этому бескорыстному и великодушному человеку.

Неизвестно ещё, как бы сложилась моя жизнь, если бы не его своевременная помощь, как и помощь многих других представителей власти, к коей я никогда не питал дружеских чувств.

Таковыми я видел офицеров и судей в брежневские времена на севере.

Может быть, где-то были взяточники и мздоимцы, но я таких не встречал, хотя знал многих. И даже о таких ни от кого не слышал.

Вообще на севере не принято было что-то делать за деньги.

Тебе мог какой-нибудь начальник помочь и сам же тебя напоить и накормить.

Такие были нравы в 70 годы прошлого века.

Считаю нужным об этом написать, истины ради. Полагаю, что немного найдётся людей осведомлённой меня в этом вопросе.

Романтик

С помощью доброго слова и пистолета вы можете добиться гораздо больше, чем только одним добрым словом.

Аль Капоне. Гангстер

Не знаю, кем в детские годы мечтал стать Валера Смирнов, но, по склонностям его природы, ему определённо было противопоказано работать с жуликами на строгом режиме в северных лесных колониях.

Получив два высших образования и прожив около тридцати лет на свете, Валерий Михайлович Смирнов свято верил в доброе человеческое начало. Ещё он верил в советские лозунги о том, что правильными словами можно не только переубедить человека, но и перевоспитать.

Полагая по своей доброте и наивности, что человеку всё подвластно, он надеялся своё умение убеждать друзей и сокурсников на воле использовать в деле перевоспитания тех, кто, по его мнению, случайно оступился в жизни.

Любимой книгой его юности был знаменитый роман Антона Макаренко «Педагогическая поэма», плакатные герои которой так же далёки от реальности, как герои сказок от настоящих людей и животных. Исторической фразы знаменитого гангстера о добром слове с пистолетом Смирнов не знал. Тогда, как его кумир Макаренко понимал это и без своего выдающегося американского современника. Он организовал в колонии «самовоспитание», построив вертикаль внутривоспитательского «самоуправления».

И, если такая вертикаль даже среди обычных людей опасна, то бывшие беспризорники, выросшие в атмосфере произвола и насилия, сами уже выстроили иерархическую систему тотального произвола и страха, который понуждал даже самых нерадивых хорошо работать и учиться. Оказавшись на свободе, эти люди могли уже жить только в рамках насилия, подчинения и страха.

Тот исторический и очевидный факт, что перевоспитание советского человека сопровождалось не только пистолетом, но и массой других способов принуждения, тоже прошёл мимо сознания молодого человека с двумя высшими образованиями.

Начальство, естественно, сразу разглядело в нём наивного и романтического правдолюбца, а потому не допускало даже мысли направить его на оперативную работу или производство. Ему предложили должность замполита колонии, чему он очень обрадовался. Держался Смирнов с заключёнными всегда ровно, достойно и справедливо. Никого и никогда не унижал и не оскорблял. А уж о том, что замполит может наказать, не могло быть и речи.

Полагая, что только так и нужно себя вести с заключёнными, он вступал в равноправную полемику со слушателями, имеющими иное мнение. Он не допускал мысли, что его разговорчивый оппонент просто куражится от безнаказанности, хотя знающие сотрудники его неоднократно предупреждали.

Ему не хотелось верить, что эти полуграмотные, но начитанные и нахватанные наглецы, настолько отточили свой язык в бесконечных лагерных спорах и конфликтах, что способны переговорить даже работающий трактор.

Однажды на политзанятии, на чеховскую фразу, о том, что в человеке должно быть всё прекрасно, наглец и циник Коля Желтоногов заявил замполиту, что это несусветная глупость.

И, что этими глупостями всякие там Чеховы, горькие и прочие Станиславские развратили и развалили страну. А это позволило банде большевиков, во главе с Лениным, временно захватить власть в России.

Смирнов не ожидал такой откровенной антисоветчины, поэтому несколько опешил. Но быстро нашёлся и ответил нахалу, что пятьдесят лет – это уже не временно, а навсегда. На это Коля спокойно сообщил, что татаро-монголы удерживали власть над русским народом триста лет, но и это им не помогло.

– А ваш сифилитик Ленин намного глупее Чингисхана. Поэтому скоро большевики гикнутся, и о них будут вспоминать, как о татаро-монгольском нашествии.

А чтобы окончательно добить Смирнова, Желтоногов шелкнул ногтем об зуб и убеждённо добавил:

– Век воли не видать, если я ошибаюсь!

Смирнов не знал, чем ответить на такую откровенную наглость, и молча вышел из секции.

Колю, конечно, никто из урок не одобрил, потому что от добра добра не ищут. Пришлют вместо Валеры, какого-нибудь козла, тогда наговоришься в изоляторе.

Понимая, что перевоспитать зэков ему не удастся, Смирнов решил, что должность замполита ему не по плечу. Поэтому он попросил руководство перевести его в начальники отряда, где мне пришлось с ним часто сталкиваться по многим организационным вопросам.

Я тогда руководил на лесобирже всем производством.

Проверяя месячные отчёты, я всегда следил, чтобы в его отряде всегда было перевыполнение плана. От этого показателя зависело продвижение в звании, премии и отпуск в летнее время.

Зэки со своей стороны тоже старались его не подводить, потому что другой отрядный мог запросто отравить им жизнь.

Смирнов всегда за кого-нибудь просил. Однажды он, стесняясь и краснея, обратился ко мне с необычной для офицера просьбой.

Один молодой москвич из его отряда проигрался в карты, и это могло кончиться для того крайне печально. Валера попросил меня заплатить за этого балбеса 96 рублей, пока с тем ничего не сотворили.

Валере я отказать не мог и заплатил.

Вскоре он добровольно перешёл работать в ДПНК (дежурный помощник начальника колонии). Это самая маленькая и самая низкооплачиваемая должность. Работал он долго и все были им довольны. Похоже, что и его такая работа устраивала.

Я уже был на свободе, когда встретил Валеру на улице с женой, очень красивой и приветливой татаркой.

Мы с женой уже переехали в Ленинград, когда я узнал, что Валеру перевели работать преподавателем в Казанское высшее училище МВД.

Оказалось, что за время работы он сумел защитить кандидатскую диссертацию. Я был очень рад за него. Потому, что главное в жизни человека – это быть на своём месте.

Знакомство с Валерием Михайловичем Смирновым лишний раз утвердило меня в мысли, что не место красит человека, а совсем наоборот.

Барабаны судьбы

«Незаменимых людей у нас нет».

Советский лозунг

Это на проклятом Западе способных и умелых людей по крупицам собирают по всему белу свету, берегут и лелеют их, потому что качество жизни страны очень даже зависит именно от таких людей.

Но в СССР этого понимать не хотели, поэтому за 70 лет так и не научились ни дорогу нормальную построить, ни штанов приличных пошить.

В отличие от советских вождей, это хорошо понимали простые зэки одной из северных лесных колоний и очень тревожились, когда уходил на пенсию их начальник Иван Фомич Овчинников, человек незлой, трудолюбивый и думающий.

На его место прислали майора Рысакова, бывшего педагога, который мечтал легко получить очередное звание на производстве. О производстве он знал всё из книг и своих лекций.

Передавая хозяйство новому человеку, Иван Фомич посоветовал никому из офицеров не доверять, потому что у него с ними разные интересы.

Можно верить только зэкам, если сумеешь заслужить их уважение.

Будучи человеком кабинетным и наивным, Рысаков искренне считал, что его умение обучать других людей, автоматически позволит ему свои знания использовать на практике.

Поэтому, вежливо выслушав бывшего начальника, он тут же забыл его слова, потому что всё, что говорил этот мужиковатый и не очень образованный человек, не лезло ни в какие ворота.

Однако быстро наткнувшись на презрительное равнодушие со стороны людей, занятых делом, Рысаков заскучал и совсем перестал вникать в тонкости новой работы.

Естественно, что при таком начальнике, власть быстро перехватили оперативники, которые начали проводить свою линию,

далёкую от интересов производства, за которое и отвечал майор Рысаков.

Зона работала по инерции, но, как говорится, «где тонко, там и рвётся».

Из Москвы пришло распоряжение срочно наладить выпуск кабельных барабанов.

Одновременно пришли и наряды в отдел сбыта на их поставку.

Поскольку эта продукция была побочной, то ни оборудования, ни оснастки никто не выделял, в надежде на то, что всё образуется само собой.

Из Москвы звонили каждый день, и каждый раз всё громче и громче грозили разными карами.

Кто видел, хотя бы на картинке, кабельные барабаны, тот представляет, что каждый круг состоит из двух сбитых двойных щитов разного диаметра.

Как их сделать круглыми никто не знал.

Такое дело окриками и наказаниями решить невозможно, так как вопрос технический и лопатой с киркой его не осилишь.

И тогда умные головы из Управления решили опереться на народную смекалку и инициативу.

Бригаде слесарей из ремонтных мастерских, которую возглавлял бывший инженер – конструктор Ефим Исаакович Мельский, поручили изобрести станок и изготовить специальный инструмент, который сможет обрезать вкруговую одновременно большой и малый круг.

Всем четырём членам бригады новый начальник колонии Рысаков пообещал, после выполнения этого задания, отправить на свободу.

В ответ на недоверчивое молчание заключённых, он поклялся партийным билетом и своими погонами.

За свою славную историю ГУЛАГ знал и более выдающиеся изобретения, которые составили славу и мощь нашей родины.

И в этот раз сознательные советские заключённые проявили невиданный энтузиазм и изобретательность.

Через две недели сваренный из швеллеров огромный станок был готов своими самодельными концевыми фрезами аккуратно обрезать квадратные щиты.

Первые вагоны были отгружены, и начальство успокоилось.

Оставалось только наладить круглосуточную работу, перекрыть задолженность и войти в обычный график.

Не увидев себя в списках на очередную административную комиссию, Ефим Исаакович со своими товарищами направился к майору Рысакову требовать обещанную свободу.

Но тот только разводил руками и ссылался на оперчасть, которая не давала добра на освобождение слесарей, потому что у всех было в деле много взысканий.

После длительных пререканий и нехороших слов в адрес начальства, бригада слесарей в полном составе была отправлена в изолятор сроком на десять суток.

Слесаря сидели уже шестой день, когда случился пожар и цех кабельных барабанов сгорел дотла вместе с оборудованием и двумя вагонами готовой продукции.

Понаехало много начальства, во главе с генералом Мешковым, но говорить было не с кем, потому что слесаря сидели в изоляторе.

Генерал наорал на майора Рысакова и потребовал немедленно всех освободить.

Однако, пришедшие из изолятора мастера заявили, что восстанавливать они ничего не будут, так как их бессовестно обманули.

Тогда генерал поклялся своими генеральскими погонами и своим партийным билетом.

Но и это слесарей не впечатлило.

Угрожая стереть их в лагерную пыль, генерал распорядился оформить им БУР (барак усиленного режима) сроком на шесть месяцев за саботаж и поджог цеха.

Но через неделю из Москвы позвонили по жалобе военного завода, куда не поставляется кабель из-за отсутствия кабельных барабанов.

Неотвратимо надвигалась жалоба в Совет министров.

Генералу пообещали, что если до этого дойдёт, то он может распрощаться и с переводом в Москву, и со своими погонами и партбилетом за умышленное вредительство и развал обороны страны.

Проведя бессонную ночь с головной и сердечной болью, генерал прямо с утра пошёл в БУР и там пообещал завтра же направить слесарей на административную комиссию.

Но Ефим Исаакович от имени всей бригады заявил, что цех они восстановят только в качестве вольнонаёмных и свободных людей за оплату по договору.

Генерал долго кричал и топал ногами... но согласился.

Наверное, никогда раньше система не работала так быстро и слаженно при освобождении какого-нибудь заключённого.

Нарушая все установленные законы и правила, административную и наблюдательную комиссии провели в один день.

На следующий день, приехавший в колонию, суд за один час принял решение и, оформив все документы, начальство выдало на руки бывшим заключённым постановления и справки о досрочном освобождении.

Через две недели кабельные барабаны стали изготавливаться прямо под открытым небом. Майора Рысакова, за саботаж и вредительство, понизили в звании и перевели в дежурные, где он застрял навсегда.

Генерала Мешкова через пару месяцев перевели в Главк в Москву.

А бывшие заключённые слесаря поехали домой по бескрайним просторам Советского союза.

Ефим Исаакович Мельский доехал аж до израильского города Хайфа, где до сих пор рассказывает друзьям и знакомым историю своего чудесного освобождения из советских лагерей.

Антисоветчик

Отдай колбасу, дурак! Я всё прощу!
И.Ильф и Е.Петров «Двенадцать стульев»

Одесская пересылка славилась скверной, даже для подобных заведений, кормёжкой и крайне строгим надзором.

Тюрьмы вообще хорошим питанием не отличались. Хотя в некоторых режим был более человечный.

Одна была радость в одесской тюрьме: большая библиотека, где можно было найти книги, совершенно недоступные на воле.

Однако автору этих строк одесская пересылка запомнилась не едой и строгостями – эка невидаль! – а тем, что там он впервые увидел настоящего антисоветчика.

Книги, как и всё остальное в СССР, были дефицитным товаром. Особенно книги хорошие.

Естественно, что, как и прочий дефицит, книги доставались, в основном, гражданам привилегированным, допущенным к «кормушке».

Но, если оставалась какая-то, хоть и призрачная возможность достать хорошие книжки, то «Книга о вкусной и здоровой пище» была недосыгаема.

Это был подарок, о котором только могла мечтать советская семья.

Изданная по личному указанию тов. Микояна в конце тридцатых годов книга поражала обилием блюд и продуктов.

А цветные фотографии будоражили воображение и нервную систему больше, чем картины великих мастеров эпохи Возрождения.

За первую половину XX века страна пережила три тяжелейшие голодовки. Но и времена благоденствия особым разнообразием блюд и продуктов народ не баловали.

Это разнообразие сузилось до десятка самых простых и доступных блюд.

Поэтому, когда Михаилу Борисовичу Дальскому, старшему технологу городского хлебозавода, после смерти соседки досталась дореволюционная книга Симоненко «Образцовая кухня. 3 тысячи кулинарных рецептов. Настольная книга хозяйки. 1892 год», то он не поверил своим глазам.

Имевшаяся в его семье та самая знаменитая советская «Книга о вкусной и здоровой пище» показалась ему жалким букварём от кулинарии.

Неужели простые хозяйки могли в царское время иметь такое фантастическое богатство? Вся советская теория и пропаганда о спасении большевиками русского народа от нищеты и произвола летела к чёртовой матери.

Особенно непонятным в начале каждого рецепта было слово: «Выдать».

Почему не взять? И кому это выдать?

Дальнейшие исследования и поиски привели его к открытию, что в царской России каждый офицер, инженер или профессор имел кухарку.

Ей-то хозяйка и должна была «Выдать».

Разнообразие и привычная доступность, невиданных и невозможных в Советском Союзе продуктов и блюд просто не умещалась в голове. Она заставила Михаила Борисовича задуматься.

Он вдруг вспомнил, что в революционном романе Горького «Мать» описываемая жизнь простой рабочей семьи была вполне приличной по нынешним меркам.

У отца революционера Павла Власова, простого слесаря и горького пьяницы, была отдельная квартира, неработающая жена и почти ежедневная бутылка водки при вполне нормальной еде.

Редкий советский рабочий в начале шестидесятых мог похвастаться таким набором. Большинство рабочих ещё жили в общежитиях, бараках или коммуналках. Мало кто мог позволить жене сидеть дома. Женщины трудились на заводах, фабриках и железной дороге. А каждодневная бутылка водки оставила бы современную рабочую семью голодной и голой.

Это открытие поразило Михаила Борисовича настолько, что перевернуло его представление о привитом с детства миропорядке.

Он стал давать книгу родным и знакомым. Люди читали и не верили своим глазам. В их представлении, так питаться могли только буржуи.

Но огромный тираж и простая бумага предполагали широкую доступность книги.

Кроме того различные советы и комментарии были обращены явно не к жёнам министров царского двора.

Оказалось, что рябчиков и ананасы при царизме можно было купить в магазине, а не только услышать о них в стихотворении пролетарского поэта Маяковского.

На прочтение этой книги к Михаилу Борисовичу образовалась огромная очередь. Но на руки он давал её только очень близким людям и знакомым ответственным начальникам.

Остальные могли читать только в его присутствии.

Многие выписывали рецепты и распространяли их среди своих друзей.

Вполне естественно, что после прочитанного, у любого, дотоле правоверного марксиста, возникал естественный вопрос: «На кой чёрт была эта кровавая революция, если до неё было такое вполне доступное изобилие?»

Ну не для того же, наверное, чтобы победители стали считать паровые котлеты и сибирские пельмени пределом своих кулинарных фантазий.

Михаил Борисович комментировал такие вопросы умными репликами и философскими размышлениями, за которые совсем ещё недавно могли расстрелять или посадить навсегда. Но, слава Богу, времена уже были не те, и, даже за анекдоты про власть, уже никого не сажали.

Так продолжалось довольно долго, когда неожиданно Михаила Борисовича Дальского пригласили в отдел кадров, где вежливый и симпатичный мужчина в сером костюме и полосатом галстуке предложил ему книгу добровольно сдать органам и прекратить заниматься антисоветской пропагандой и агитацией.

Но, с детства приученный школой и родителями говорить только правду, Михаил Борисович стал переубеждать вежливого чекиста, приводя примеры и выводы, которые напрашивались сами собой, после первых страниц его книги.

Тот слушал очень внимательно и сочувственно, дополняя своё сочувствие разными правильными комментариями. Самые интересные фразы он даже записывал.

Окрылённый таким пониманием и участием, Дальский закончил свои комментарии довольно убедительными обобщениями, чем окончательно привлёк симпатичного сотрудника на свою сторону.

Михаил Борисович был счастлив оттого, что сейчас другие времена и можно говорить всё, что угодно без страхов и опасений. И даже люди из органов стали думающими и понимающими. Не то, что при Сталине.

Он даже пообещал поставить своего нового знакомого на очередь, чтобы и тот приобщился к разнообразию русской кухни, имеющей такие долгие и славные традиции.

...В итоге книга была приобщена к уголовному делу об антисоветской пропаганде и агитации, и удивлённому Михаилу Борисовичу дали два года колонии общего режима без конфискации имущества.

Срок, совершенно детский, по прежним временам. Времена, конечно же, были совсем другие.

И это не могло не радовать.

Бухгалтерия террора

*С неба звёздочка упала
Прямо милому в штаны,
Пусть бы всё там оторвала,
Лишь бы не было войны.*

Частишка в СССР

Слово террорист в Советском союзе ассоциировалось только с капиталистическим Западом.

У нас, в стране такого явления не могло быть по определению, потому что советскому человеку не может прийти в голову выступать против родной власти и трудящихся, да ещё и с оружием в руках.

А уж о пропаганде войны у нас никто и подумать не мог.

Потому что даже самый последний пьяница знал о миролюбии нашей страны.

Поэтому, когда Сергей Иванович Большаков говорил, что сидит он за терроризм и пропаганду войны, урки покатывались со смеху, глядя на его унылую физиономию и манеры затюканного интеллигента.

И, тем не менее, этот маленький и боязливый от природы человек получил пять лет за терроризм и пропаганду войны, а его такой же несчастный поделщик три.

А всё началось с того, что Большакова бросила жена, потому что жить с ним было скучно и бедно. Прежде непьющий Сергей Иванович начал снимать тоску и бессонницу водкой, а потом ушёл в глубокий запой всерьёз и надолго.

За длительные прогулы его уволили из стройконторы, где он работал бухгалтером.

А поскольку деньги в его скудном бюджете кончились довольно быстро, то каждое утро у него начиналось с поиска возможности опохмелиться.

В тот злополучный день Сергей Иванович с трудом побрился, надел свой последний костюм и повязал мятый галстук в робкой

надежде на то, что под его приличный вид кто-нибудь из сердобольных знакомых даст ему займы рубль.

Ноги сами привели его к магазину, где он встретил своего приятеля по выпивке Гришу Василенко. По Гришиному лицу он понял, что тот тоже пытается безуспешно решить аналогичную проблему.

Они ничего не говорили друг другу, потому что понятно было всё без слов.

Никто из знакомых за полчаса к магазину не подошёл.

Первым не выдержал Гриша:

– Пойдём к моей Вальке, я ей позавчера отдал пятёрку, что ж у неё хватит совести не занять мне рубль.

И они пошли проходными дворами к бывшей Гришиной жене, жалуясь друг другу на бессердечие человечества.

В одном из дворов сотрудники какого-то учреждения выносили макулатуру, ломаную мебель и всякую рухлядь.

Проходя мимо кучи использованного ватмана, Сергей Иванович прихватил один из рулонов. Гриша из другой кучи взял штатив с теодолитом без объектива.

Не стовариваясь, оба понимали, что трудящимся интеллигентным людям деньги в долг дадут скорее.

Перейдя с трудом железнодорожные пути и насыпь, они решили передохнуть и уселись на скамейке в конце длинной и пыльной улицы с одноэтажными частными домами.

Гриша поставил теодолит перед собой на треногу, а Сергей Иванович развернул лист ватмана. Уставившись в чертёж изумлёнными глазами, Большаков замер от неожиданности, а потом, чертыхнувшись, расхохотался.

В самом низу стандартного листа был нарисован крохотный домик, а от него до самого верхнего края тянулась огромная кирпичная труба. Остальная часть листа была совершенно пустой.

И только в нижнем правом углу была таблица с множеством исполнителей.

Выше таблицы до самой середины умещалось огромное количество печатей и штампов с согласованиями и утверждениями.

Такое обилие согласований и утверждений вызывало недоумение и оторопь.

– Это сколько же нужно народных денег, чтобы кормить всю эту ораву бездельников! – возмутился Гриша.

Сам он никогда серьёзно не работал, но и на народные деньги особо не рассчитывал.

В это время к ним подошёл невысокий, лысый мужик, лет сорока, в пиджаке на голое тело.

– А что, правда, товарищи, тут водопровод будут прокладывать?

– Сносить вас всех будем к чёртовой матери! – неожиданно для самого себя зло сказал Гриша.

– Как сносить, а нас куда? – растерялся гражданин.

– Найдут куда. Кого на целину, а кого и подальше. А кто откажется, так вместе с домом взорвут ко всем чертям! Развели тут, понимаешь ли, частную собственность! Дойдёшь тут с вами к коммунизму!

Перепуганный мужик заглянул в чертёж.

– А тут что будет?

– А тут будет построено самое большое бомбоубежище в городе, на случай атомной войны с Америкой. А через эту трубу будут подавать воздух, чтобы люди не задохнулись, когда завалит.

– А скоро начнут?

– Вот расчёты закончим и начнём выселение – пояснил солидный Сергей Иванович – кто специалист, с тем особый разговор, а кто так себе, с теми по законам военного времени.

Вы что не слышали, что в любой момент атомная война с Америкой может случиться?

– Да, как не слышать. По радио каждый день говорят.

– Ну, вот!

Мужик испуганно и растеряно смотрел на вестников своей беды.

– Поспособствуйте мужики, чтоб мне с жильём помогли. У меня детей четверо и тёща больная. В долгу не останусь.

– Это само собой! Чего ж не помочь? Можно и помочь – неторопливо, и растягивая слова, сказал Гриша – у тебя выпить чего-нибудь есть, а то мы вчера начальство из Москвы встречали.

– ГЦас, щас мужики, я мигом! Меня Толик зовут! Я мигом! – и Толик побежал вдоль улицы.

Через десять минут он вернулся с двумя бутылками самогона, хлебом и половиной варёной курицы. стакан был один, поэтому пили по очереди. Еда тоже была очень кстати.

Записали фамилию мужика и сказали, что придут на днях.

Попросили только никому не говорить, потому что это военная тайна.

Назавтра оба были дома, допивая самогон и радуясь своей находчивости и уму.

– Надо бы им шороху навести – в раздумье сказал Гриша. Тогда они нас долго поить будут. Что бы такое им придумать?

Придумал Сергей Иванович.

Он позвонил в милицию и, заикаясь от страха и волнения, сообщил, что на улице Весенней пацаны играют со снарядом, который где-то нашли. Не случилось бы чего.

Когда они снова появились на улице Весенней и стали переставлять теодолит с места на место, сбежалась целая толпа жителей.

Толик рассказал, что уже приезжали военные и милиция под видом того, что, якобы, искали какие-то снаряды.

– Думают, что мы дурнее их не знаем ничего – сказала пожилая женщина в розовом платье.

Когда народ разошёлся, чтобы не мешать работать, Толик принёс из дому старый школьный портфель с тремя бутылками самогона и дал сорок рублей,

Обрадованный Сергей Иванович сказал, что можно помочь ещё только двадцати человекам. За пятьдесят рублей с каждого. Обещали подойти через пару дней.

Но через пару дней их забрала милиция.

Статей разных следователь насчитал им штук шесть, но самые страшные угроза терроризма и пропаганда войны перекрывали все остальные правонарушения.

Хотели судить их военным трибуналом, но оказалось, что оба даже не служили в армии.

И хотя судили их в клубе показательным судом, срока были, на удивление возмущённых потерпевших, небольшие. Сергею Ивановичу дали, по совокупности преступлений, пять лет, а Грише только три.

Учили, что образование у него было всего четыре класса начальной школы, и приняли во внимание справки о запущенном туберкулёзе.

Все жулики, которые слушали эту историю, говорили, что мужики ещё очень легко отделались.

По прежним временам могли бы и к стенке поставить без суда и следствия.

Оставалось только радоваться хорошим и добрым временам.

Встречный план

Что такое встречный план? Это, когда жена просит два раза, муж обещает три, но оба уверены, что больше одного не получится.

Анекдот времён развитого социализма

Начальника колонии зэки обычно называют «хозяин».

Если он не проявляет агрессивности и не получает удовольствие от наказания зэков, его обычно называют по фамилии, избегая, по возможности, казенное слово «хозяин».

Начальника же, который видит в заключённых людей и проявляет свою власть только тогда, когда жертва очень уж напрашивается, называют по имени отчеству.

И хотя это против всяких правил, часто говорят так в глаза. Ему это не всегда удобно, но он, как правило, помалкивает и терпит, потому что это дорогого стоит.

Основная забота у начальника план, а силовыми методами его выполнить невозможно. Таких начальников я встречал, и одним из них был Иван Фомич Овчинников.

В свои пятьдесят он уже собирался на пенсию. Купил «жигуля», заказал в столярке разборный щитовой гараж и, как говорится, собирал вещи.

В Белгороде его ждала квартира и непыльная работа инспектора профтехобразования.

И тут судьба нанесла ему удар. Судьба в лице начальника управления МВД генерала Мешкова.

Генерал собирался переезжать в Москву в Главк и там, на одном из совещаний, пообещал построить пожегочную печь, конструкцию которой разработали министерские умники. Проблема отходов на лесопереработке крайне остра и веками не решается.

Деньги за рацпредложение начальство, видимо, уже «освоило», а строить печь ни одно управление в стране не хотело, так как глупостями производственникам заниматься некогда.

Но генерал уже был одной ногой в Москве, и особого манёвра у него не было.

Вернувшись в родное Управление, он сначала пытался найти добровольцев, а поскольку таких не нашлось, запряг того, кто запрягался.

Иван Фомич со дня на день ждал «подполковника» – а это уже другой статус и другая пенсия.

– Не сделаешь – уедешь отсюда только с профсоюзным билетом – закончил генерал свою напутственную речь.

Овчинников вернулся в родной посёлок и слёг.

Ночью за мной пришёл конвой и повёл меня к Ивану Фомичу на дом. Кроме него, там был главный инженер и начальник лесобиржи.

Тумбочка у Ивана Фомича была завалена бутылками и упаковками от лекарств, а вид у него был крайне унылый. Рядом на кровати сидела обеспокоенная жена.

Разговор начал главный инженер

Он положил передо мной лист бумаги, на котором от руки был нарисован перевёрнутый усечённый конус. По его боковым граням шли стрелки вниз, а от центра снизу вверх шло несколько стрелок.

По расчётам москвичей и законам физики, от нагрева должен был создаваться вихревой поток и затягивать холодный воздух по стенкам и тем самым способствовать горению отходов, которые должен сбрасывать на дно этого конуса транспортёр мусоротаска.

Людское обслуживание не предусматривалось, так как не было необходимости. Всё должно было сгорать само собой.

Все производственники, кто знакомился с этим проектом, не верили в его эффективность, поэтому и отказывались, но Иван Фомич был загнан в угол и безучастно ждал неминуемой гибели.

Позвать меня предложил начальник лесобиржи Виктор Григорьевич Паксиваткин, потому что верил в меня и народную мудрость. В данном случае эту мудрость я и представлял.

Посмотрев на всю эту глупость, я спросил Ивана Фомича, сколько ему дали времени.

– Три месяца – обречённо сказал он.

– Позвоните сейчас генералу и скажите, что вы справитесь за месяц. Скажите, что коллектив посоветовался и, идя чему-нибудь навстречу, принял встречный план.

– Ты думаешь генерал дурнее нас?

– Иван Фомич, дайте ему возможность быть таким дураком. Он посреди ночи будет звонить в Москву. Там же тоже кто-то хочет отличиться. А Вам этого не забудут. А потом выпейте рюмку коньяку и спите спокойно. Я ещё не знаю, как, но гореть будет, а я никого из вас никогда не подводил.

Было два часа ночи, когда я разбудил бригадира электриков Валеру Брумеля и его парней.

Комендант барака открыл нам кабинет начальника отряда, и я рассказал мужикам о проблеме.

Кличку по фамилии известного прыгуна, Брумель получил из-за огромного роста.

В лагере он сидел всё время, потому что на воле задерживался только до первой пьянки. В зоне же он пил умеренно и был классным и ответственным специалистом.

Мы все пришли к выводу, что нужен поддув от небольшого, но мощного вентилятора и порционная подача мусора, потому что у нас все ветки и кора шли с наледью.

Это значило, что надо создавать скрытую от глаз систему вентиляции и круглосуточную службу человек из десяти с устойчивой зарплатой для круглосуточного дежурства.

Люди и строительство были моей заботой, а вот поиск оборудования и монтажная работа ложилась на команду Брумеля.

Осталось решить вопрос с затратами и оплатой. Договорились, что Брумель и его парни получают от меня по триста наличными и по десять бутылок водки.

На всё про всё остальное, тысячу рублей и сто пачек чая.

Я вышел успокоенный и ушёл спать.

Теперь нужно было найти звеньевых на строительство самого амфитеатра, как отныне мы и стали называть это сооружение.

Остановился я на парне из Горького Шурике Острякове.

Когда Шурик появился на зоне, он попытался отвоевать место среди эков, показывая свою крутизну путем грубости и наездов при каждом удобном случае.

Среди работяг это срабатывало. Но когда он позволил сказать лишнее обо мне, я сломал ему ключицу обрезком водопроводной трубы.

После больницы Шурик сделал выводы и стал хорошим работником и товарищем. Он был заслуженно уважаем, и уже не лез в «калашный ряд».

Я всегда сожалел о происшедшем, но выхода у меня тогда не было, и что уже случилось, то случилось.

У нас были нормальные отношения, но недоверие ко мне от Шурика я чувствовал. Мои попытки как-то его выделить и помочь, он молчаливо отвергал.

И вот я предложил ему организовать это строительство, пообещав всякое содействие, а потом курсы крановщиков, куда его не брали из-за большого срока. Учёба проходила на другой зоне, где конвой был менее строг.

Когда Шурик дал своё согласие, мне стало совсем спокойно.

Человеком, несмотря ни на что, он был достойным и основательным.

Кроме звена, которое он организовал, я направил на строительство всех бездельников, недотёп и отказчиков. Всем организовал питание, чай и какие-то деньги.

Привёл и немало картёжных должников, коих за нашей семьёй было великое множество.

Они мечтали, чтобы их долги попали ко мне, тогда это ничем не грозило.

Я устраивал их работать, кормил, поил, но зарплата уходила по моему усмотрению.

Для них это было спасением от неизбежного падения в пропасть, а для меня спокойно заработанные деньги и возможность затыкать производственные прорехи малой кровью.

Через месяц огромный объект стоял. Внутренняя дощатая обшивка конуса была покрыта толстым слоем глины. Установленный в будке бревнотаски вентилятор был невидим и гнал

воздух по подземной трубе, которая выходила в огромный горн, сваренный из рельсов и швеллеров посреди углублённого днища амфитеатра.

Над верхней частью конуса консолью нависала мусоротаска.

Вдоль внутренней стены спускалась металлическая лестница, которая наверху упиралась в смотровую площадку, на которую снаружи вела винтовая лестница.

Разожгли на горне огромный костёр с помощью ведра солярки, включили вентилятор и печь с гулом и искрами стала истреблять мокрые хвойные отходы и кору.

Сверху из мусоротаски монотонно сваливались отходы от разделочных звеньев и сгорали на радость всем заинтересованным лицам.

Поскольку отходов от текущего производства не хватало, на тракторе подвозились отходы из отвалов.

Крутилось на этой кухне человек двадцать, и всем я исправно платил, закрывая по разным бригадам и объектам.

Иван Фомич доложил исполнение, получил звание и убыл в Белгород, обещав мне в первой же церкви поставить за моё здравие свечку.

Главк и министерство, обрадованные таким результатом, обязали строить печи повсеместно, радуясь дешёвизне решения такой тяжёлой проблемы.

К нам поехали делегации офицеров. Они видели печь, которая гудела как паровоз, поднимая столб огня, и были в восторге от такого простого способа.

Наши юмористы не подпускали офицеров к краю смотровой площадки, чтобы воздушной тягой не засосало вниз.

Многие управления начали строить такие же печи, но ни у кого мусор не горел. Прогорали зажженные дрова и тем дело кончалось.

Делегаты обходили вокруг наше чудо, ничего не находили и приходили к выводу, что выбран неправильный угол при постройке их конуса, или в их районе неправильная роза ветров, но ничего не помогало.

Если бы они прислали какого-нибудь бригадира или слесаря, тот бы узнал наши секреты в течение часа, но приезжало всегда большое начальство, которому и в голову не приходило искать скрытые пружины. Да и мозги у приезжих больше были заняты пьянкой и охотой. Иначе зачем же ехать чёрт знает куда.

Наше же начальство делало вид, что оно ничего не знает, как делало это постоянно, чтобы, по-глупости, не развалить отлаженное производство.

Главк метал гром и молнии, срывая погоны и понижая нерадивых в должности, ибо видел в этом пренебрежение и саботаж.

Печь уже работала почти год, когда мой душевный и давний приятель чеченец Хамзат, за полученное оскорбление нанёс обидчику три удара стаместкой в горло.

Поскольку жертва тоже была из порядочных парней, то не имея подозреваемого, следствие арестовало шесть человек возможнопричастных, по оперативным данным. И я тоже угодил в изолятор. Никакое заступничество производителей не помогло.

Хамзат взял всё на себя, получил ещё четыре года и отбыл на особый режим. Меня же и других задержанных раскидали по другим зонам «от греха подальше».

Первые пару месяцев печь нормально работала, но не получая ни зарплаты, ни дополнительного питания, работяги потихоньку разбрелись по другим работам. Огонь погас.

Но мусоротаска исправно высыпала отходы в амфитеатр, пока над ним не образовалась гора мусора, что очень удивило, привыкшее к хорошему, начальство.

Даже, если бы и найдена была возможность платить рабочим, зажечь уже эти сотни тонн слежавшейся мокрой дряни не было никакого способа.

Этот памятник, социалистическому планированию и встречным планам, долгие годы возвышался над всем посёлком, как римский Колизей, вызывая у непосвящённых естественные, для нормальных людей, вопросы.

Возможно, он стоит там и до сих пор.

Профессионалы

Настроение у эжков в лагере намного веселее и оптимистичнее, чем у их сверстников на воле.

Во-первых, эжки не обременены постоянными бытовыми заботами и семейными тревогами.

Во-вторых, большая часть их сознания занята мечтами о будущем, где есть возможность представлять свою жизнь в радужном и даже героическом свете.

Ну, и, наконец, бодрого и весёлого состояния требует защитная реакция организма на непростую и опасную ситуацию.

В общем, причин вполне достаточно, чтобы жулики в лагере много шутили, радовались мелочам, и смотрели в будущее с оптимизмом, совершенно недоступным для обычного городского и сельского жителя в нашей малообустроенной стране.

И только Сеня Гольцман, вполне уважаемый и достойный киевский вор (каких в лагере очень немного) никогда не смеялся и не шутил. И тому были очень серьёзные причины. Он растерялся и разочаровался в жизни.

Всю свою жизнь он твёрдо стоял на ногах и знал, как жить дальше. Теперь же он был в тревоге и смятении.

А всё началось с того, что Сеня Гольцман решил завязать. Зачем, спрашивается, рассуждал он, воровать и рисковать своей свободой, когда все нормальные люди уже пристроились к законному бизнесу и делают свою копейку легальным способом, который, слава Богу, власти разрешили повсеместно.

Он всегда мечтал о честном заработке. Но что можно было честно заработать в советское время, кроме грыжи и геморроя. И Сеня стал воровать. Нечасто и немного, а ровно столько, сколько необходимо, чтобы нормально содержать свою семью и иметь возможность истратить пару копеек на юге с детьми или друзьями.

За все свои двадцать лет преступной жизни он ни разу не привлекался к суду, и даже в милицию он ходил только обменивать паспорт. А всё потому, что, во-первых, он никогда не наглел, а во-вторых, всегда «работал» один, и о его занятиях знали очень немногие, да и то из тех, кто сам тоже не спешил познакомиться с родной милицией.

Будучи с детства человеком пытливым и изобретательным Сеня придумал такой способ завладения чужой собственностью, при котором он мог обходиться своими силами. Ведь и ребёнку понятно, что чем меньше о тебе знают друзья и знакомые, тем меньше о тебе слухов и разговоров, которыми живёт и питается правоохранительная система.

Сеня воровал один.

Изучая внимательно помещения, до которых ему хотелось бы добраться, Сеня, к своему удивлению, обнаружил, что меньше всего на этих объектах охраняются полы.

Видимо, ответственные товарищи справедливо полагали, что разламывать отбойными молотками железобетон никто не будет, опасаясь шума и грохота. Других же способов для разрушения такого прочного материала ответственные начальники не знали.

Наверное потому, что думать головой они не хотели и не умели.

В отличие от Сени, которому ещё его папа внушал с детства, что прежде чем «что-то» предпринять, нужно крепко и хорошо подумать. И делать это «что-то» нужно только в оди-

ночку, без коллектива и сговора. А Сенин папа был лучшим заготовителем коровьих шкур при Подольском райпотребсоюзе города Киева. А Киев – это вам не какая-нибудь там Жмеринка.

И хотя на папины заработки жила половина близких и дальних родственников, под суд попал он всего один раз, да и то по чужой вине. Отделался папа условным сроком, чем очень гордился.

Но всю свою жизнь Сеня помнил папин наказ о том, что жить надо, по возможности, честно.

И, что только свинство и подлость родного государства заставляет его, честного человека, нарушать закон, потому что иного способа заработать трудовому человеку на сносную жизнь это государство не позволяет.

...Но вот уже несколько лет, как это бездушное и бестолковое государство разрешило инициативным и деловым людям легально зарабатывать деньги.

Кто бы мог подумать! Осталось только придумать способ эти деньги зарабатывать в приземлемых количествах.

И Сеня придумал.

Он организовал фирму из двух человек, которая брала подряды в строительных организациях и на железной дороге на укладку сантехнических и кабельных труб под проезжей частью дороги без разрушения дорожного полотна.

А поскольку на рытьё траншеи, засыпку, укладку нового асфальта или разборку и укладку рельсов выделяются большие средства, то Сеня, технически решив эту проблему, стал зарабатывать немалые деньги, что устраивало и его, и заказчиков, и руководителей городского хозяйства.

Всё шло прекрасно. Сеня стал честным бизнесменом и очень этим гордился. Пока однажды...

Ох, уж это однажды. Ничего оно хорошим людям никогда не предвещало.

Однажды Сеня увидел стоящую возле траншеи, где он работал, немолодую женщину, которая внимательно наблюдала, как Сеня с коллегой с помощью большого домкрата проталкивает трубу под дорогой, не нарушая дорожного покрытия.

Ах! Если бы Сеня мог догадаться, что эта пожилая женщина вот уже четыре года работает помощником городского прокурора, куда её перевели из следственного отдела.

Там она долгие годы сдавала в архив так и не раскрытые ею дела, где неизвестные злоумышленники каким-то таинственным способом разрушали железобетонную конструкцию пола и таким путём проникали в помещения, откуда похищали материальные ценности.

Звали эту женщину Ольга Ефимовна Ваксберг.

Ольга Ефимовна готовилась уйти на заслуженный отдых, но ей не давал покоя тот преступник или преступники, которым много лет удавалось водить её за нос, а вместе с ней и все следственные органы.

В архиве хранился один отпечаток ладони преступника, но никому из находящихся на учёте или под подозрением этот отпечаток не принадлежал.

И вот, наблюдая за виртуозной работой неизвестного мастера, Ольга Ефимовна подумала о том, что железобетон можно так же легко и бесшумно разрушить мощным домкратом, если упереть его в надёжную опору, которую потом убрать, чтобы замести следы.

Когда за Сеней пришли два милиционера и привели его к той самой немолодой женщине, которая так долго стояла над его траншеей, Сеня ещё не понимал, что это недобрый знак.

Но, когда вошёл эксперт и стал снимать отпечатки Сениных рук, у него засосало под ложечкой.

– Вот так и становись честным человеком – подумал Сеня. – Воровал бы ещё лет двадцать и горя б не знал.

Он посмотрел на сидящую напротив пожилую усталую женщину и понял, что она настоящий профессионал. И ему стало ещё тоскливее.

Господь не ошибается

*Но кто ударит тебя в правую щеку,
Обрати к нему и другую...*

От Матфея 5,38–42

Из всего многообразия философских истин и постулатов, которые нам оставил Христос, это предписание остаётся самым противоречивым и спорным на протяжении уже двух тысячелетий. Как же так? А око за око? А зуб за зуб?

И как вообще жить на свете руководствуясь такой логикой? Между тем этот постулат очень действенен, если его рассматривать несколько шире, чем просто мордобой.

Не думаю, что Иисус имел в виду холопское или просто трусливое отношение к ударившему.

В данном случае рекомендовать ничего не имеет смысла, так как жертва и так не способна к сопротивлению.

Вряд ли Иисус рассматривал случай, когда тебя бьёт твоя любимая женщина за твою измену или бестактность. Тут нельзя отвечать по определению.

Видимо, Христос имел в виду людей, наделённых духовной силой и христианской моралью. А не рабской или жлобской психологией.

Наверное, некоторой иллюстрацией к этой заповеди мог бы послужить эпизод из «Идиота» Достоевского, когда Ганя ударил князя Мышкина. То, что Мышкин не ввязался в драку, а практически подставил другую щеку, не только не лишило князя достоинства, но и поставило Таню вне общества, за что он дорого заплатил. Мышкин своим непотворением ещё и заставил циничного Таню страдать и стыдиться. Может быть впервые в жизни.

Более того, не отвечая на насмешки и обиды, слабый князь Мышкин каждому указывает на его место, оставляя их со своей совесью.

Иисус, полагаю, имел в виду, что не нужно давать обидевшему тебя, возможность найти себе оправдание в своих действиях. А отступив, оставить его с проблемами в своей душе. То есть заставить человека задуматься в непривычной для него ситуации.

И не дать ему возможности найти себе оправдание.

То есть жертве нужно совершить духовную атаку. Если возможно такое вульгарное словосочетание.

Если уйти от примитивного (мордобойного) подхода к проблеме, то епископ Бьенвеню, отдав Жану Вальжану к украденным ложкам ещё и подсвечники, (вместо передачи его в полицию) впервые оставил его наедине со своей совесью. Он лишил его возможности найти оправдание своему поступку. Не было оправдания его подлости.

И это заставило героя «Отверженных» страдать и изменяться.

Всегда ли будет такой результат? Нет, конечно.

Но, если не показывать, какими надо быть людьми, то результата не будет никогда.

Простые лобовые призывы и лозунги не работают вообще.

Пусть читатель сам попробует во время жестокого спора, вдруг (без оснований) признать правоту оппонента.

Вы увидите, как он растеряется, как обмякнет и будет стараться сделать вам приятное. А ведь вы подставили щеку для удара. Но рука сразу повиснет.

Проверялось много раз.

Есть прекрасное выражение: «Если женщина не права, нужно попросить у неё прощение». А что это, как не вторая щека?

Ох! Как это работает! Сколько женщин было таким путём обмануто! И сколько пар сохранилось!

...Шепетовский гранитный карьер – это вам не известняковый карьер в котором Жан Вальжан совершал свои подвиги.

Героям Гюго не нужно было находиться целый день в сплошной пыли от работы отбойных молотков, которыми делались отверстия для последующего подрыва крупных валунов, оставшихся после основного взрыва.

А это само по себе уже, мягко говоря, не очень сопутствует здоровью и хорошему настроению.

Особенно, если это длится пять-десять лет.

Я уже не говорю о дневной норме – погрузить на автомашину три кубометра гранита, предварительно расколов его кувалдой до подъёмных размеров.

А три куба – это около девяти тонн.

Вряд ли у героев Гюго была такая норма.

Дневная норма для наших декабристов была два пуда железной руды с переноской на двести метров.

Тогда ещё не придумали вдохновляющий термин «Социалистическое соревнование».

Как тогда кормили во Франции нам неведомо, а декабристы ели не хуже, чем их вольное окружение. О жалобах декабристов на еду нигде не упоминается.

На Шепетовской же зоне кормили из рук вон плохо, как, впрочем, и во всей системе МВД брежневских времён. Да и на воле не у многих граждан в те годы хватало нормальной еды.

Но русский человек привык мало полагаться на государство, а потому зэки каждого водителя, приехавшего грузиться в карьер, обязали привозить килограмм сала. Без этого не грузили. Жалобщикам прокалывали колёса.

Начальство с этим поделаться ничего не могло, и только замполит повесил на рабочей зоне огромный плакат «ПОЗОР САЛОЕДАМ».

Сало, вообще, в лагерях Украины было запрещено. Но аппетит этот плакат никому из сидельцев не портил. К глупостям политотдела все давно привыкли.

Поскольку норма была неподъёмная, а машин на всех для выполнения нормы всё равно не хватало, её выполняли только с помощью друзей и те, кому светила близкая льгота на досрочное освобождение.

Остальным же, чтобы не угодить в изолятор, достаточно было попасть в список, где была одна отгруженная машина хотя бы на 10–15 человек.

Всех это, до поры до времени, устраивало.

Баптисты в лагере особая публика. Зэки на них смотрят как на чудаков, но не обижают.

Баптисты считаются «терпигорцами», которых начальство без причины мучает. Работали они всегда с полной отдачей, что не мешало им периодически сидеть по изоляторам из-за идеологических разногласий с системой.

Все баптисты – люди исключительно порядочные и мужественные.

Однажды Коля Желтоногов – наглец, баламут и циник с друзьями отгрузил заготовленный баптистами камень в свою машину, пока те ходили на обед.

Увидев, что камня меньше, чем они заготовили, их звеньевой Адам подошёл к Коле выяснять отношения.

Коля побожился, что это не он. И вообще он сегодня остался и без нормы и без сала.

Адам извинился и ушёл. А через пару часов принёс Коле полбулки хлеба и кусок сала с луковицей.

Воровство в лагере вещь запредельная, но камень у баптистов – это всё равно, что песок на Луне. Это вне лагерной жизни. Так, озорство, прикол.

Нехорошо, но права качать никто не будет. А баптисты народ бессловесный в лагерных делах. Чудаки, одним словом. Однако Коля чувствовал себя неловко. В таких ситуациях он не бывал. Его энергия и наглость провалились в пустоту.

А тут ещё во время игры в карты, партнёр ему высказал, что он убогих обижает. Хорошему хлопцу такое делать «западлО».

Вроде и не наехал, а нехорошо.

И другие не одобрили. Да ещё и сало припомнили. Получалось, что Коля сдешевил. И ему было очень неуютно. Коля пошёл к Адаму и отдал талончик на машину, который водитель отдаёт взамен погруженного камня. Извинился. Сказал, что пошутил.

А Адам вместо обиды стал его успокаивать и утешать, отчего Коле было ещё больше «не в жилу».

Уж не знаю, что там в душе у Коли произошло, но после этого случая вести себя он стал серьёзно и сдержанно. Это был уже не балагур и баламут, а ответственный и путёвый хлопец, каким раньше его не знали.

Наверное, Иисус был всё-таки прав?

Кровавые лапы КГБ

Мой приятель Толик к преступному миру никогда не имел никакого отношения, а потому лагерь ему до сих пор представляется чем-то глупым, непонятным и совершенно бесполезным.

Работал он в Херсоне заведующим большим продовольственным магазином, и попался на продаже машины «левой» водки «Степная».

Дали ему три года и он, с надеждой и уверенностью, что уйдёт домой через полтора, прибыл в северную колонию, где мы и встретились.

Поскольку у него был диплом торгового техникума, я взял его к себе десятником, и он за моей спиной досидел до «половинки» и вышел на «химию».

Работать его оставили в той же должности, и в наших отношениях ничего не изменилось.

Каждый день он рассказывал истории из своей жизни на свободе. Поэтому я сразу узнал, когда в жизни Толика появилась Верка, которую он называл «Овчарка».

У Верки было четверо пацанов от шести до двенадцати лет, а муж за год до встречи Верки с Толиком упал с балкона пятого этажа и погиб. Сам он упал, или Верка помогла, чтобы избавиться от горького пьяницы – это осталось тайной. Работала Верка на железнодорожной станции, неплохо зарабатывала и умеренно пила. То есть по выходным и праздникам. Но крепко.

Постепенно и Толик, который раньше вообще не пил, стал разделять с Веркой застолья.

В доме у неё была идеальная чистота, а дети хорошо учились и во всём ей помогали.

Толик с ними подружился быстро, поскольку выгодно отличался и от их отца, и от предыдущих Веркиных хахалей.

Многие жилые дома и учреждения в городе не имели центрального отопления, поэтому в конторе лесобиржи частыми посетителями были городские товарищи, которые приезжали за качественными дровами.

Частенько приезжал и начальник местного КГБ капитан Дубов, с которым меня познакомил комбат охраны майор Болдин. Дубов был мужик весёлый и контактный.

Знакомство наше длилось больше года, а потому отношения были настолько приятельскими, что он мог не только привезти нам спиртное, но и выпить вместе с нами.

Когда я и сам вышел на поселение, меня оставили руководить лесобиржей, и первых пару недель я жил в квартире у Толика и Верки.

Но потом начальство выделило мне жилой блок в бараке, и я зажил почти вольной жизнью.

Но у Верки я продолжал частенько гостевать, поскольку она любила смотреть, как я ем – это вызывало и у нее аппетит.

Потом я стал заходить к ним уже с Надей. Вместе мы отмечали праздники.

Однажды капитан Дубов напросился к нам в компанию на День Советской армии.

Обещал прийти с женой и каким-то очень интересным другом.

Никаких предубеждений против КГБ у нас не было, и смотрели мы на Дубова просто как на открытого и весёлого парня.

Пришли они вчетвером. «Интересным парнем» оказался его сослуживец, лейтенант.

Но вот их дамы на жён явно не тянули. Стало понятно, почему им была так интересна наша компания. Мы уселись за стол, и все, кроме меня и Нади, довольно крепко и привычно выпили.

Потом, как-то незаметно, Дубов с двумя девицами удалился в спальню, а его коллега, полноватый парень лет тридцати, пригласил меня на кухню, чтобы поговорить.

Поначалу он рассыпался комплиментами в мой адрес, дескать, много наслышан, а потом незаметно, как это они умеют, перевёл разговор на нужную ему тему.

Его интересовали мои отношения с Гариком Фрумкиным, который, по их информации, является центром сионистского заговора с целью организации выезда евреев в Израиль.

Я хотел перевести разговор в шутку и сказал, что Гарик, скорее клиент психиатров, чем чекистов.

Но он стал напирать и чуть ли не ставить мне условия. Вообще-то, меня лагерные опера никогда не пытались вербовать. Как опытный мужчина видит, какую женщину можно развести на «Кофе с продолжением», а какая пошлет подальше, так и опытному оперативнику понятно, кого можно вербовать, а кто и в рожу заедет.

Но что мне было всегда известно, так это то, что все секретные службы боятся открытости. Нельзя давать им возможности иметь с тобой какую-либо общую тайну. Даже тайну самого факта разговора. И надо их вытаскивать на свет, где они беспомощны, как рыба на берегу.

А потому я вышел в зал и громко заявил:

– Вы представляете, этот козёл пришёл сюда жрать нашего гуся, чтобы меня завербовать в осведомители КГБ.

Валерий, а именно так он представился, попытался всё обернуть шуткой, но подлетевшая пьяная Верка, слёту ударила его кулаком в зубы.

Пьяный Толик, который в жизни не убил мухи, врезал растерявшемуся Валерию ещё раз, а когда тот упал начал вместе с Веркой бить его ногами. У перепуганного кагэбэшника растянулся пиджак и все увидели рукоятку пистолета.

Никто не понял, как у Верки оказался этот пистолет и она стала орать, что застрелит сейчас этого засранца. А потом схватила его за шиворот и вместе с Толиком потащила на балкон:

– Сейчас мы его выбросим гада. Этому балкону не привыкать.

В это время из спальни выскочил полуголый Дубов вместе с не совсем одетыми девицами. Совместными усилиями удалось отобрать перепуганного лейтенанта у гостеприимных хозяев. Надя забрала у Верки пистолет и передала Дубову.

Гости стремительно оделись и сбежали. Девицы ухитрились прихватить со стола последнюю бутылку коньяку, чем привели Верку в бешенство.

Однако наутро нам было не до смеха, и мы не знали, чего ждать.

И когда в контору зашёл Дубов вместе с начальником милиции Свешниковым, тоже нашим приятелем, мы не знали, что и думать. Толик вообще был в прединфарктном состоянии.

Но офицеры смежных ведомств настойчиво попросили нас забыть инцидент и никому об этом не рассказывать. Дубов даже извинялся.

Уже потом комбат Болдин рассказывал мне, как боялись кагэбэшники огласки этого дела.

Оба женаты и члены партии. Пили неизвестно где, с кем. Чуть не потеряли оружие. Достаточно, чтобы испортить себе карьеру.

Через пару месяцев и Дубова и Валеру перевели на новое место, куда-то под Ухту. А Толик прекратил выпивать навсегда.

Вот такая вот польза человеку от кровавого КГБ.

Геройчик

Советская пресса очень любила потешаться над китайской программой большого скачка, когда в каждой деревне выплавляли чугун в семейных доменных печах.

Руководство Китая высмеивалось, потому что и дураку было понятно, что такое производство крайне неэффективно и убыточно.

Однако, никому не приходило в голову провести аналогию между китайской экономикой и нашей, где при каждом предприятии было подсобное сельское хозяйство.

Думать советские люди не умели да и не имели права.

Батальон охраны при Управлении Косланлес, как и все остальные воинские части, имел обширное подсобное хозяйство, в котором разводились коровы, свиньи и разная другая живность. Трудились в этом хозяйстве солдатики под руководством бывшего зэка Нестерова Павла Кузьмича по прозвищу Геройчик.

Так окрестили его лагерные урки, когда узнали его историю. Вместе с ним работала его жена Клавдия. А двое малолетних детей были любимцами всего батальона, на территории которого проживала вся семья.

Почему у трудолюбивого, степенного и доброго человека было такое обидное и уничижительное прозвище, особо никто не вникал, потому что знавали клички и пообиднее.

Но те, кто интересовался этим вопросом, узнавали историю, которая поражала своей сказочной и абсурдной несуразностью.

...А всё началось с того, что колхозный скотник Паша избил своего участкового, который захаживал к его жене, пока хозяин был на работе.

Поскольку и сам участковый, и избитая супруга попали в больницу, то виновному грозил реальный срок.

Ареста Паша ждать не стал и подался в бега, впервые выехав за пределы своего района.

На вокзале города Целиноград его, голодного, грязного и несчастного, подобрал директор захудалого совхоза, пообещав решить все его проблемы, если он наведёт порядок на его молочной ферме, куда сегодня страшно зайти.

Работы Паша никогда не боялся, а коров знал и любил с детства.

Поселившись в подсобке на ферме, Паша из чувства благодарности к своему спасителю, работал сутками и без выходных.

Директор, как и обещал, отдал ему документы умершего от пьянства бомжа, и Паша для всех стал Кучеренко Нестор Анисимович.

Со временем у него в подсобке поселилась доярка Клавдия, которая сбежала от мужа – пьяницы, и они оба трудились без продыху, поднимая из руин ферму и обустривая всё вокруг.

А когда супруги бесплатно построили из подсобных материалов полукилометровую дорогу, на ферму зачастило высокое начальство, чтобы посмотреть на эти чудеса.

Ферма стала лучшей в районе и по обустройству и по надоям.

У супругов уже была двухлетняя дочь и собственный дом, когда директора совхоза забрали на повышение.

Новый директор поручил Паше заведовать всем молочным хозяйством совхоза, и за год Паша сумел достичь самых высоких результатов по области.

Обком решил представить Пашу к Звезде Героя Социалистического труда, потому что со всей страны уже приезжали делегации перенимать его опыт.

Жизнь у Паши складывалась настолько удачно, что предвидеть какие-либо неприятности, в связи с предстоящим награждением, у него не было никаких оснований.

Тем более, что прошло почти восемь лет со дня его исчезновения.

О том, что участковый остался после избиения калек и получил инвалидность, Паше известно не было.

Однако беда пришла совершенно с другой стороны.

Когда жена настоящего Нестора Анисимовича Кучеренко узнала из газеты, что её законный муж жив, здоров и процветает, она написала, куда следует, что вот уже десять лет он скрывается от уплаты алиментов на двоих детей.

А дальше уже бюрократическая машина медленно, но неотвратимо накатывалась на несостоявшегося Героя Социалистического труда, пока он не попал на лесоповал, откуда его, как специалиста, забрали в батальон охраны выполнять продовольственную программу, где он и остался со своей семьёй после освобождения.

Услышав эту историю, циничные и глумливые жулики наградили его презрительной кличкой «Геройчик», на что Павел Кузьмич Нестеров совсем не обижался, потому что от природы был добрым и даже застенчивым человеком.

Собачья жизнь

Собак употребляют в пищу не только, презираемые нами за это, корейцы. Советские люди тоже не брезгают. Ну не то, чтобы там откармливать к столу, или покупать в мясных рядах. К нашей чести до этого никогда не доходило. Скорее по нужде, в силу, так сказать, житейских обстоятельств.

Проще говоря – с голодухи.

А поскольку на Руси голодуха гостя нередкая, то и собачки, а иногда и кошечки, разводимые нами, для улады души и сердца, оказываются в наших желудках с завидной регулярностью. Потом, через год-два этот позорный исторический факт легко забывается, и народ на бескрайних просторах великой страны, как и прежде, считает себя самым добрым и совестливым сообществом на Земле.

Другим, менее гуманным народам, где житейский тон задаёт бездуховное «Общество потребления», широты нашей души осмыслить не дано, потому как о повальном голоде в своих странах они уже давно забыли.

В года же благословенные и урожайные, когда планы выполняются и перевыполняются, собак в основном поедают разного рода маргинальные элементы, ввиду абсолютного отсутствия средств на закупку белковосодержащих продуктов, что делает потребление некачественного алкоголя совершенно губительным для здоровья и непривлекательным для вкусовых рецепторов.

И ещё потому, что кушать, даже при беспросветном пьянстве, иногда, всё-таки, хочется. Но и в годы печали, и в годы благоденствия, поедание собак в советских исправительных учреждениях идёт с устоявшейся регулярностью.

Разными путями (как деньги и другие, запрещённые инструкциями, вещи) собаки попадают к эковскому столу, делая его более разнообразным, калорийным и торжественным.

Сам факт такой трапезы превращает её в изысканное, экзальтированно – весёлое застолье, редкое без доброй выпивки, и большого числа участников.

А ощущение некоего нравственного полузапрета повышает остроту ощущений, и даже даёт участникам осознание некоторой исключительности, потому что не каждому в лагере удаётся участвовать в таком застолье: Во-первых – это недешёвый деликатес. Во-вторых, кому попало вольный человек в зону собаку не привезёт. А в третьих нужно место, инструмент, посуда, печь, помещение и стол.

Как раз низшим слоям лагерного мира, наиболее голодным и обездоленным, о таком застолье можно только фантазировать, потому что, как говорится, «не по Сеньке шапка». Правду сказать, так некоторые из сидельцев брезгают собачатиной. Но это уже от завышенного самомнения, или, неприличествующего обстоятельствам, недостатка. Совсем не значит, что люди, съевшие собаку, жестоки и бездушны. Ничуть не бывало. Обидевшему собаку, без причины, могут и голову пробить. Никогда уважать не будут человека, ударившего ногой собаку или кошку от злости. Извергов нигде не жалуют. Так что репутация едоков не страдает, и муки совести их не терзают.

Как не терзают они и остальных жителей Земли, скушавших на обед шашлык из поросёнка, с которым ещё утром любовно игрались.

Как говорят поедатели земноводных:

– Такова се ля ви!

Ну, так вот...

Однажды в ночную смену, водитель лесовоза, оставил в будке разделочного звена Толика Дробова, привязанную за ножку стола, собачку. Собачка к утру развязалась и встретила прибывших по разводу эков радостным лаем и другими признаками выражения восторга и дружелюбия. Она бегала от одного работяги к другому, громко лаяла, пытаясь лизнуть каждому руку или хотя бы зацепить бочком. Съесть такую животину было невозможно, да и комплекции она была, из-за молодости, невзрачной.

С тех пор она жила в будке Дробова, всеми любимая и всеми подкармливаемая. Собачка была, мягко говоря, не красавица, но очень добрая и приветливая.

Поначалу она жила без имени. А потом к ней прилепилась кличка Босьяк, поскольку была она мужского полу.

Звено Дробова целый день работало на площадке, разделявая на ассортимент за смену четыре – пять машин леса, и Босьяку пришлось бы скучать в будке весь день, если бы не Вацек, который отирался в будке разделыпиков. Работать Вацек не любил и не умел, а потому лагерная жизнь его протекала в праздности и размышлениях. Он не был из уважаемых людей, как не может быть уважаем в лагерном коллективе человек, не приспособленный к выживанию при тяжёлых обстоятельствах. Но и плохого за ним не числилось. Уж во всяком случае львовский этап, с которым он прибыл, ничего компрометирующего о нём не говорил.

А потому Вацек и был пригрет в путёвом денежном коллективе, помогая трудягам по хозяйству и развлекая компанию. За ним тянулось множество историй и легенд. Но главное, он был настолько умелый и интересный рассказчик, что даже некоторые офицеры приглашали его «на чаёк», чтобы получить удовольствие от общения и песен под гитару. И, конечно же, никому из начальства не приходило в голову напрягать Вацека насчёт работы. Это выглядело бы просто ни к селу, ни к городу. По национальности он был поляк, но родился и вырос во Львове.

С виду он походил на студента – спортсмена и, при росте сто восемьдесят пять, был породисто красив и ухожен. Лицо его было доброе, открытое, с налётом мечтательной грусти. Карие глаза его светились неподкупной честностью и глубиной творческой мысли. По натуре же и сути своей был он одним из самых прожженных жуликов и аферистов, которых немало зачерпывает своим неводом правоохранительная система. Однако был он настолько обаятелен, добросердечен и талантлив, что кроме позитивных чувств, у знавших его людей, никаких других и вызвать не мог. Последний свой срок он получил, подвизаясь ударником в ансамбле Софии

Ротару. Тогда, в начале семидесятых, нормальные инструменты были только у некоторых эстрадных групп. Доставали их за границей, проявляя чудеса изобретательности.

Поэтому, когда Вацек узнал, что одной из львовских групп, нужны хорошие инструменты, он предложил их руководителю купить у директора ансамбля, где играл Вацек, инструменты за девять тысяч рублей. Тогда это было почти два «Жигуля».

Директора же своего ансамбля он убедил дать «лохам» на две недели инструменты за восемьсот рублей, из которых Вацеку полагалось двести. Сделка состоялась. Прошло почти три недели и директор попросил Вацека напомнить «арендаторам», что пора, как говорится, и честь знать. Вацек объяснил счастливым приобретателям, что, поскольку, их группе новые инструменты еще из Югославии не доставили, директор просит за триста рублей дать напрокат инструменты на десять дней.

Эти взаимные аренды продолжались довольно долго, пока незадачливые собратья по музыкальному цеху, потеряв терпение и инструменты, ни обратились в милицию с жалобой на афериста – директора, и тот был отправлен в КПЗ. К благожелательному и, «обманутому» хапугой – директором, Вацеку претензий у покупателей не было.

Даже на суде, потерявшие девять тысяч, потерпевшие были на его стороне, но судья, исходя из анкетных данных и своего немалого опыта, влил подсудимому Словецкому Вацлаву Казимировичу, двадцати пяти лет от роду, четыре года строгого режима с конфискацией имущества.

Вацек пояснял потом, что у него просто не хватило времени уехать к невесте, известной впоследствии польской актрисе, в Речь Посполиту. Так он всегда называл Польшу.

Так, благодаря гуманности советского правосудия, в КОМИ АССР, на одной из лесных командировок, в будке разделочного звена Дробова, состоялась встреча двух полюбивших друг друга существ: собаки неизвестной породы с сомнительным экстерьером, по кличке Босяк, и обаятельнейшего жулика страны Советов Вацлава Словецкого.

Они никогда, ни на минуту не расставались в течение рабочей смены. И, если народ видел, как Вацек вальяжно шагает с ведром в столовую за водой, разговаривая с семенящей рядом по шпалам собакой с короткими ногами на длинном туловище, то мало кто от души не радовался этому дурацкому зрелищу.

И Босяка и Вацека все любили за их похожий добрый и ласковый подход к людям; и ещё потому, что любому человеку нужно обязательно кого-нибудь любить. Любовь же к Вацеку и Босяку ничего не стоила и ни к чему не обязывала. И если бы кто-нибудь попробовал обидеть кого-нибудь из этой пары, или сказать нехорошее слово, то санчасть обидчику была бы обеспечена. А уж подумать о том, чтобы Босяка съесть, что было обычным на зоне делом, не могло быть и речи. Тут могли бы и инвалидом сделать. И не только потому, что жалко собаку. Главное, это было бы неуважение к Дробову. А уважение в лагере дороже свободы.

За долгие дни и месяцы общения между Вацеком и Босяком установилось полное взаимопонимание, и Босяк с вполне серьёзным видом внимал жизненным установкам старшего товарища. Разговаривал с собакой Вацек как с человеком. Может для смеху, а может и для оттачивания языка.

– Запомните, мой маленький друг – говорил раздумчиво Вацек, лёжа у железной печки на лавке – людей надо любить, хотя бы только за то, что они нас с вами терпят и кормят. Зэки быстро запоминали и разносили эти словесные пассажи, и потом говорили уже друг другу, передавая по кругу банку с чифиром:

– Я вам скажу, коллега, что всегда нужно говорить только правду – затем, помолчав, как это обычно делал Вацек, добавляли – иначе, кто же нам поверит, когда у нас появится нужда соврать.

Такие фразы он говорил только Босяку, как бы не замечая окружающих;

– Сэр, – так иногда он обращался к собаке – я вас умоляю, не врите всуе, ибо капитал доверия невосполним.

Эти присказки из Вацека сыпались ежедневно. И офицеры и охрана уже так разговаривали между собой и со своими домашними. А знаменитая фраза Вацека, которой он иногда приструнивал Босняка:

– Сэр!? Я отказываюсь Вас понимать! – дошла даже до начальства в Управлении и, говорили, что сам генерал Мешков так шутил с подчинёнными, когда бывал в хорошем расположении духа.

Но, как во всех русских сказках и былях, однажды....

Бригада поселенцев – ремонтников не вышла с вечера на ремонт и поддержание дороги.

Ночью лесовоз разворотил кусок, давно уже разбитой, лежнёвой дороги и улёгся поперек движения вместе с двадцатью кубометрами леса.

Дорожников так и не нашли, потому что пьяные они закрылись в домике, где проживали и повесили снаружи амбарный замок. Немногие посвящённые знали, что обманом и уговорами они привели к себе женщину, ехавшую к мужу на свидание, а там уже, по отработанной схеме, опоили водкой с её легкомысленного согласия и, конечно, уже всем было не до работы.

Ночная вывозка леса была сорвана и разделочные бригады на лесобирже остались на день без дела.

Поскольку машин до вечера не ожидалось, дробовцы решили маленько выпить. И понеслось...

Пили до следующего утра, не уходя на ночь в жилую зону, а водка всё не кончалась и не кончалась.

Пожрать тоже было навалом: и сало, и колбаса, и даже огромная кастрюля картошки с мясом. Наутро выяснилось, что съели и Босняка. Однако, никто не признавался, и подумали на многочисленных гостей, которые гудели вместе с дробовцами.

Оптимисты, у которых всегда и в плохом видится хорошее, радовались тому, что, слава богу, не поели друг друга. Пессимисты же видели в этом плохой знак. Настроение у всех было козье.

Не то, чтобы там уж очень переживали за собачку и каялись в душе, а было нехорошо оттого, что дали сами себе слабинку по-пьяни, а это уже по лагерной жизни опасно. Так и под что угодно подставиться можно.

Больше всех, конечно, горевал, Вацек – он потерял друга и безмолвного собеседника.

Но через пару дней, к всеобщей радости, Босняка обнаружили грузчики. Он сидел, забившись между пакетами рудничной стойки, и завидев людей, пытался, скуля и повизгивая, спрятаться ещё дальше.

В будке у Друбова все облегчённо вздохнули.

– Мы своих не сдаём – кричал Тёня.

– Это он собачатины испугался – внушал всем Фёдор.

– Хрен пройдёт, чтобы кто-нибудь Босняка обидел.

А Босьяк снова всех облизывал и ласкался.

Все были счастливы.

Только один Вацек не выказывал радости, а серьёзно укорял Босняка:

– Сэр! – церемонно расхаживая по будке, разглагольствовал он. – Вы поставили всех нас в неловкое положение, озаботив себя подозрением, что такие благородные и порядочные люди, как мы, могли Вас схряпать без суда и следствия. Полагаю, что Вы где – то глубоко в душе очень неправы! Уверяю, что Вам ещё будет очень стыдно за Ваше недоверие к нам, лучшим представителям этого подлого мира!

– Да! – продолжал он, тыкая пальцем в сторону собаки, – у нас с Вами могут быть разные взгляды на кулинарные изыски, но вместо отстаивания своей точки зрения, Вы позорно спря-

тались от открытой полемики, как это сделал лучший друг физкультурников в начале войны. Я, конечно, не отказываю Вам в дружбе, сударь, но Вы разбили моё доверчивое сердце своими подозрениями.

Это был добрый день. И у всех было хорошее настроение.

Синдром почтальона Печкина

Замечательный русский писатель, так украсивший жизнь советского народа во второй половине двадцатого века, Эдуард Николаевич Успенский, словами своего героя почтальона Печкина, видимо, совсем не желая этого, подтвердил постулат Карла Маркса о том, что бытие определяет сознание.

«Я почему вредный был? А это потому, что у меня велосипеда не было». Прошло много лет после того, как были написаны эти слова, но неожиданно мне о них напомнили мартовским утром на заснеженной площади около Ледового дворца в финском городе Тампере...

Вацлав Казимирович Словецкий не был согласен с мнением столь выдающихся мыслителей, а потому обустроивал своё нескладное бытие по своему разумению.

Он уже начал отбывать вторую половину своего четырехлетнего срока, когда понял, что пора задуматься о том, что ждёт его за колючей проволокой.

Надежды на то, что он снова сможет стучать на барабане, не было, а просто работать он не любил и не умел. Денежных запасов и дяди, «самых честных правил» у него тоже не было, а снова на нары ему не хотелось.

Неумолимо приближалась половина жизни.

На воле его никто не ждал, а его бывшая невеста Аннушка – польская актриса и певица вряд ли простит ему внезапное исчезновение и обман. Ну не мог он сообщить ей, что не приехал на свадьбу в связи с арестом. Она бы и не поняла, о чём это он. Более приличного и достойного человека она в своей жизни не встречала. Так она всегда говорила.

– Пусть лучше считает, что я её бросил – решил Вацек.

Но прошло два года, и Аннушка в его душе занимала всё больше и больше места, а потому он стал придумывать пути, как снова попытаться восстановить отношения (если, конечно, она уже не замужем) и не бросить тень на своё непорочное, для Аннушки, имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.